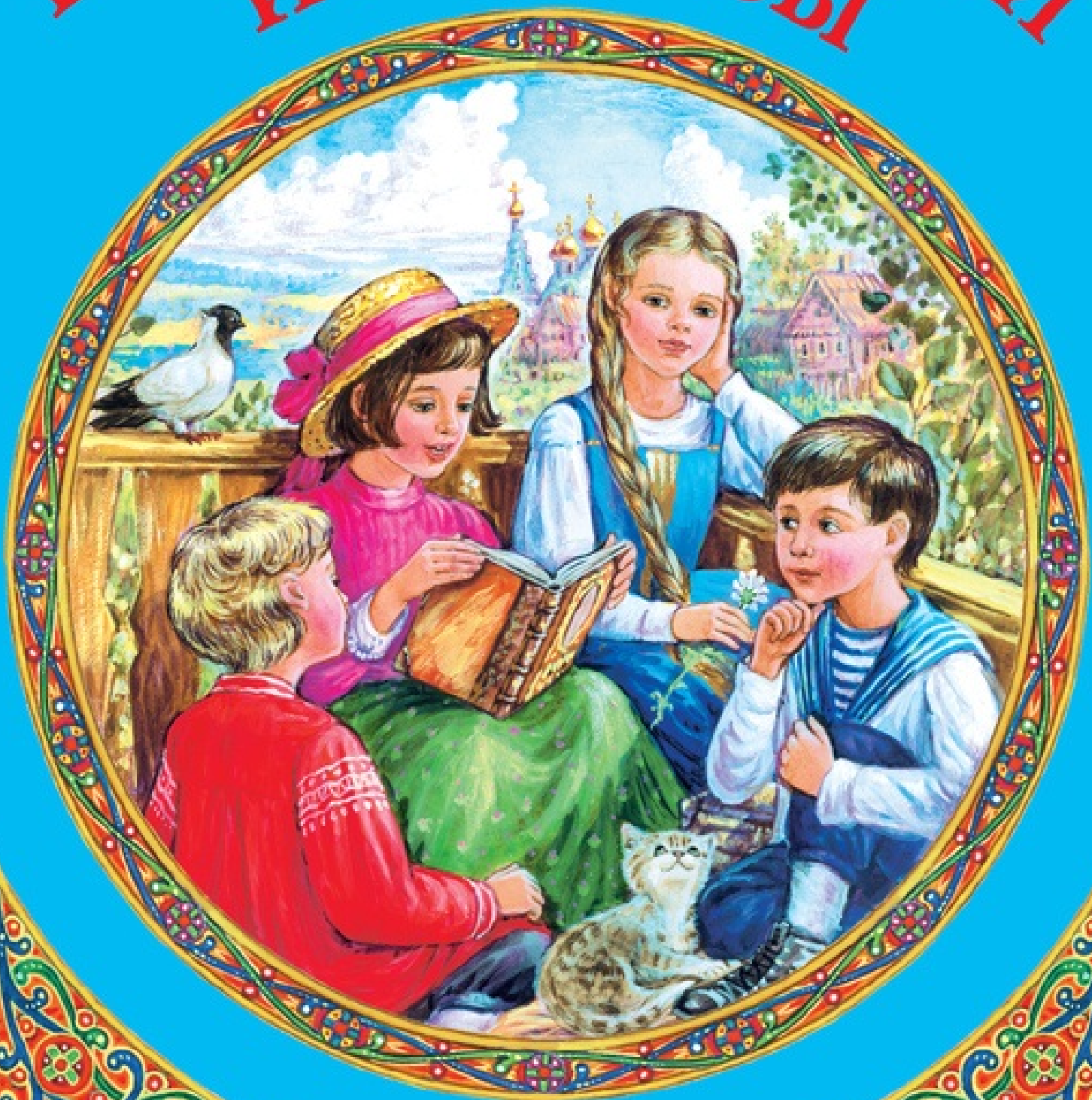

Лев Толстой

ВСЕ ЛУЧШИЕ СКАЗКИ
И РАССКАЗЫ

В этой книге для семейного чтения собраны лучшие произведения Льва Николаевича Толстого, которые вот уже более века пользуются любовью и у малышей-дошкольников, и у требовательных подростков.

Главные герои рассказов – дети, «бедовые», «ловкие», и потому близкие современным мальчишкам и девчонкам. Книгу завершает повесть «Кавказский пленник», в которой суровая правда о войне сочетается с добротой и человечностью.

Книга учит Любви – к человеку и ко всему, что его окружает: природе, животным, родной земле. Она добра и светла, как всё творчество гениального писателя.

- [Лев Толстой](#)
 - [Рассказы про детей](#)
 - [Филипок](#)
 - [Спорщики](#)
 - [Ленивая дочь](#)
 - [Старый дед и внучек](#)
 - [Косточка](#)
 - [Собака Якова](#)
 - [Котёнок](#)
 - [Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить](#)
 - [Девочка и грибы](#)
 - [Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город](#)
 - [Птичка](#)
 - [Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза](#)
 - [Пожар](#)
 - [Корова](#)
 - [Старая лошадь](#)
 - [Как я выучился ездить верхом](#)
 - [Рассказы о животных и растениях](#)
 - [Лев и собачка](#)
 - [Старый тополь](#)
 - [Лозина](#)
 - [Черёмуха](#)
 - [Как ходят деревья](#)
 - [Деревья дышат](#)
 - [Яблони](#)
 - [Как волки учат своих детей](#)
 - [Зайцы](#)
 - [Сова и заяц](#)
 - [Булька](#)
 - [Булька и кабан](#)
 - [Фазаны](#)
 - [Мильтон и Булька](#)
 - [Черепашка](#)

- [Булька и волк](#)
- [Конец Бульки и Мильтона](#)
- [Сан-готардская собака](#)
- [Орёл](#)
- [Пожарные собаки](#)
- [Воробей и ласточки](#)
- [Первый перелёт](#)
- [Охота пуще неволи](#)
- [Сказки](#)
 - [Три медведя](#)
 - [Липунюшка](#)
 - [Ёж и заяц](#)
 - [Волк и старуха](#)
 - [Весёлая белка](#)
 - [Как мужик лошадь переупрямил](#)
 - [Телёнок на льду](#)
 - [Царь и избушка](#)
 - [Мужик и огурцы](#)
 - [Большая печка](#)
 - [Бестолковый мужик](#)
 - [Как дурак кисель резал](#)
 - [Три вора](#)
 - [Как мужик гусей делил](#)
 - [Уж](#)
 - [Ровное наследство](#)
 - [Царь и рубашка](#)
 - [Праведный судья](#)
 - [Два брата](#)
 - [Как дядя Семён рассказывал про то, что с ним в лесу было](#)
- [Были](#)
 - [Кто прав?](#)
 - [Самокрутка](#)
 - [Три калача и одна баранка](#)
 - [Как вор сам себя выдал](#)
 - [Жилетка](#)
 - [Мудрый старик](#)
 - [Прыжок](#)
 - [Акула](#)
- [Басни](#)
 - [Стрекоза и муравьи](#)
 - [Работницы и петух](#)
 - [Собака и её тень](#)
 - [Осёл в львиной шкуре](#)
 - [Лгун](#)
 - [Старик и смерть](#)
 - [Заяц и гончая собака](#)
 - [Лев и мышь](#)

- [Царь и сокол](#)
 - [Отец и сыновья](#)
 - [Делёж наследства](#)
 - [Зайцы и лягушки](#)
 - [Волк и охотники](#)
 - [Тонкие нитки](#)
 - [Мужик и лошадь](#)
 - [Царь и слоны](#)
 - [Птицы и сети](#)
 - [Корова и козёл](#)
 - [Обезьяна и горох](#)
 - [Собаки и повар](#)
 - [Слепой и молоко](#)
 - [Два товарища](#)
 - [Голова и хвост змеи](#)
 - [Кавказский пленник](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Словарь](#)
-

Лев Толстой

Все лучшие сказки и рассказы

Был мальчик, звали его Филипп.

Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему:

– Куда ты, Филипок, собрался?

– В школу.

– Ты ещё мал, не ходи, – и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, мать ушла на *подённую работу*. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую, отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой – большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал.

Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

– Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух.

Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: «Что как учитель меня прогонит?» И стал он думать, что ему делать. Назад идти – опять собака заест, в школу идти – учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

– Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

– Ты что? – закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

– Да ты кто?

Филипок молчал.

– Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.
– Ну так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

– Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

– Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уж знал и немножко читать умел.

– Ну-ка сложи свое имя.

Филипок сказал:

– Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

– Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

– Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!

Учитель засмеялся и сказал:

– Ты погоди хвалиться, а поучись.

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Два человека на улице нашли вместе книгу и стали спорить, кому её взять.

Третий шёл мимо и спросил:

– Кто из вас умеет читать?

– Никто.

– Так зачем вам книга? Вы спорите всё равно, как два плешивых дрались за гребень, а самим чесать нечего было.

Мать с дочерью достали бадью воды и хотели нести в избу. Дочь сказала:

– Тяжело нести, дай я воды солью немного.

Мать сказала:

– Сама дома пить будешь, а если сольёшь, надо будет идти в другой раз.

Дочь сказала:

– Я дома не буду пить, а тут на весь день напьюсь.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят – сынишка их на полу дощечками играет – что-то слаживает. Отец и спросил:

– Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

– Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда.

Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

– А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

– Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

– Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

– Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

– Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Собака Якова

У одного караульщика была жена и двое детей – мальчик и девочка. Мальчику было семь лет, а девочке было пять лет. У них была лохматая собака с белой мордой и большими глазами. Один раз караульщик пошёл в лес и велел жене не пускать детей из дома, потому что волки всю ночь ходили около дома и бросались на собаку.

Жена сказала:

– Дети, не ходите в лес, – а сама села работать.

Когда мать села работать, мальчик сказал своей сестре:

– Пойдём в лес, я вчера видел яблоню, и на ней спели яблоки.

Девочка сказала:

– Пойдём.

И они побежали в лес.

Когда мать кончила работать, она позвала детей, но их не было. Она вышла на крыльцо и стала кликать их. Детей не было.

Муж пришёл домой и спросил:

– Где дети?

Жена сказала, что она не знает.

Тогда караульщик побежал искать детей.

Вдруг он услышал, что визжит собака. Он побежал туда и увидел, что дети сидят под кустом и плачут, а волк сцепился с собакой и грызёт её. Караульщик схватил топор и убил волка. Потом взял детей на руки и побежал с ними домой.

Когда они пришли домой, мать заперла дверь, и они сели обедать.

Вдруг они услышали, что собака визжит у двери. Они вышли на двор и хотели впустить собаку в дом, но собака была вся в крови и не могла ходить.

Дети принесли ей воды и хлеба. Но она не хотела ни пить, ни есть и только лизала им руки. Потом она легла на бок и перестала визжать. Дети думали, что собака заснула; а она умерла.

Были брат и сестра – Вася и Катя; и у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали – над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала:

– Нашёл? Нашёл?

Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей:

– Нашёл! Наша кошка... И у неё котят; такие чудесные; иди сюда скорее.

Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним и клали с собой спать.

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому по дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались на него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка. Вдруг они услышали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» – и увидели, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидели котёнка и хотят схватить его. А котёнок, глупый, вместо того, чтобы бежать, присел к земле, сгорбил спину и смотрит на собак.

Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс домой котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Как тётушка рассказывала о том, как она выучилась шить

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить.

Она сказала:

– Ты ещё мала, ты только пальцы наколешь.

А я всё приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков: один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня:

– Что ты?

Я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть.

Когда я легла спать, мне всё мерещились стежки; я всё думала о том, как бы мне скорее выучиться шить, и мне казалось так трудно, что я никогда не выучусь.

А теперь я выросла большая и не помню, как выучилась шить; и когда я учу шить свою девочку, удивляюсь, как она не может держать иголку.

Девочка и грибы

Две девочки шли домой с грибами.

Им надо было переходить через железную дорогу.

Они думали, что *машина* далеко, слезли на насыпь и пошли через рельсы.

Вдруг зашумела машина. Старшая девочка побежала назад, а меньшая – перебежала через дорогу.

Старшая девочка закричала сестре:

– Не ходи назад!

Но машина была так близко и так громко шумела, что меньшая девочка не расслышала; она подумала, что ей велят бежать назад. Она побежала назад через рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать их.

Машина уже была близко, и машинист свистел что было силы.

Старшая девочка кричала:

– Брось грибы!

А маленькая девочка думала, что ей велят собрать грибы, и ползала по дороге.

Машинист не мог удержать машины. Она свистала изо всех сил и наехала на девочку.

Старшая девочка кричала и плакала. Все проезжающие смотрели из окон вагонов, а кондуктор побежал на конец поезда, чтобы видеть, что случилось с девочкой.

Когда поезд прошёл, все увидели, что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится.

Потом, когда поезд уже отъехал далеко, девочка подняла голову, вскочила на колени, собрала грибы и побежала к сестре.

Как мальчик рассказывал про то, как его не взяли в город

Собрался батюшка в город, а я ему говорю:

– Батя, возьми меня с собой.

А он говорит:

– Ты там замёрзнешь; куда тебя...

Я повернулся, заплакал и пошёл в чулан. Плакал-плакал и заснул.

И вижу я во сне, будто от нашей деревни небольшая дорожка к часовне, и вижу я – по этой дорожке идёт батя. Я догнал его, и мы пошли с ним вместе в город. Иду я и вижу – впереди топится печка. Я говорю: «Батя, это город?» А он говорит: «Он самый». Потом мы дошли до печки, и вижу я – там пекут калачи. Я говорю: «Купи мне калачика». Он купил и дал мне.

Тут я проснулся, встал, обулся, взял рукавицы и пошёл на улицу. На улице ребята катаются на *ледянках* и на салазках. Я стал с ними кататься и катался до тех пор, пока не иззяб.

Только я вернулся и влез на печку, слышу – батя вернулся из города. Я обрадовался, вскочил и говорю:

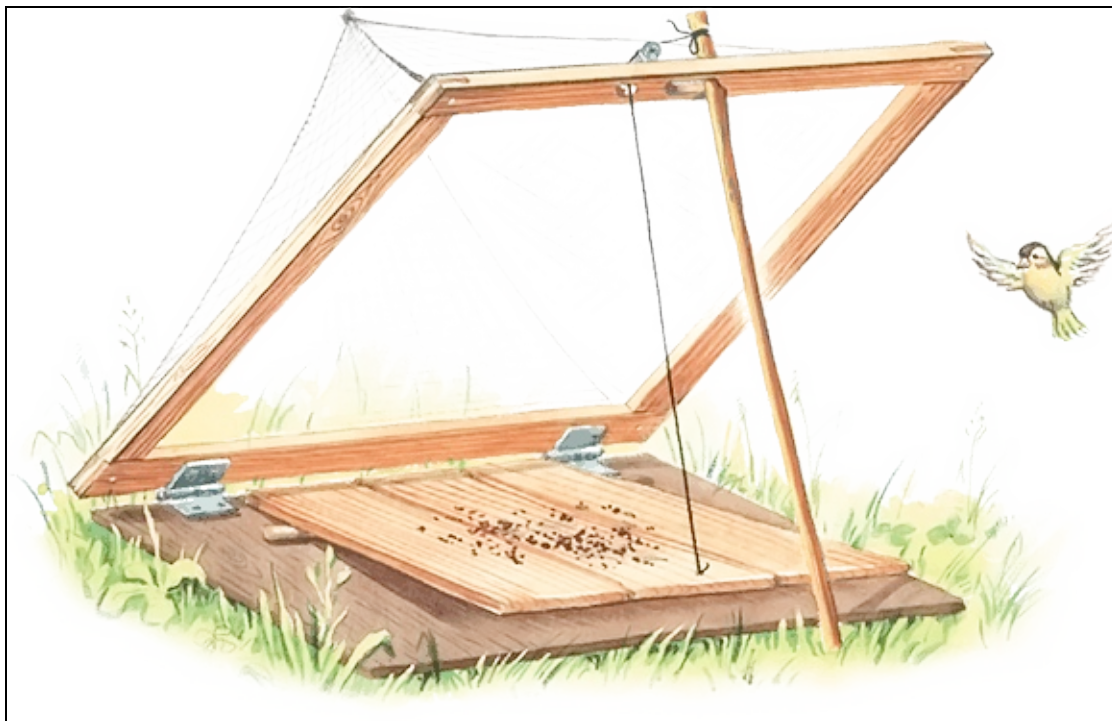
– Батя, что – купил мне калачика?

Он говорит:

– Купил, – и дал мне калач.

Я с печи скочил на лавку и стал плясать от радости.

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтобы птиц ловить. Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется. Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку.

Мать говорит:

– Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь!

– Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить.

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку. Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

– Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей!..И как у него сердце бьётся!

Мать сказала:

– Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

– Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменял ему воду. Мать ему и говорит:

– Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

– Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чирик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за водой. Мать увидела, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

– Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чирик нашёл дверку, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку. Да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чирик был ещё жив; но лежал на груди, распутивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать.

– Мама! Что мне теперь делать?

– Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чирика, а чирик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро ды – шал. Когда Серёжа пошёл спать, чирик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть. Всякий раз, как закрывал глаза, ему представлялся чирик, как он лежит и дышит. Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и заостенел.

С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до леса, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния, такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы и играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали оскретки от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой.

Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

– Что вы без меня едите?

Они говорят:

– Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь.

В жнитво мужики и бабы ушли на работу. В деревне остались только старые да малые. В одной избе оставались бабушка и трое внучат. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На неё садились мухи и кусали её. Она закрыла голову полотенцем и заснула.

Одна из внучек, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольев в черепок и пошла в сени. А в сенях лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на *свясла*.

Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата Кирюшку (ему было полтора года, и он только что выучился ходить), и сказала:

– Глянь, Килюска, какую я печку вздула.

Снопы уже горели и трещали. Когда застлало сени дымом, Маша испугалась и побежала назад в избу. Кирюшка упал на пороге, расшиб нос и заплакал; Маша втащила его в избу, и они оба спрятались под лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала.

Старший мальчик Ваня (ему было восемь лет) был на улице. Когда он увидел, что из сеней валит дым, он вбежал в дверь, сквозь дым проскочил в избу и стал будить бабушку; но бабушка спресонок ошалела и забыла про детей, выскочила и побежала по дворам за народом.

Маша тем временем сидела под лавкой и молчала; только маленький мальчик кричал, потому что больно разбил себе нос. Ваня услышал его крик, поглядел под лавку и закричал Маше:

– Беги, сгоришь!

Маша побежала в сени, но от дыма и от огня нельзя было пройти. Она вернулась назад. Тогда Ваня поднял окно и велел ей лезть. Когда она пролезла, Ваня схватил брата и потащил его. Но мальчик был тяжёл и не давался брату. Он плакал и толкал Ваню. Ваня два раза упал, пока дотащил его к окну, дверь в избе уже загорелась. Ваня просунул мальчикову голову в окно

и хотел протолкнуть его; но мальчик (он очень испугался) ухватился ручонками и не пускал их. Тогда Ваня закричал Маше:

– Тащи его за голову! – а сам толкал сзади. И так они вытащили его в окно на улицу и сами выскочили.

Жила вдова Марья со своей матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурю корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Бурёнушку в поле и давали ей помои дома. Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стёкла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стёклышки все подобрал и бросил в лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказал; и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Бурёнушке помои из лоханки, видит – Бурёнушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала:

– Корова жива не будет, надо её убить на мясо.

Позвали мужика, стали бить корову. Дети услышали, как на дворе заревела Бурёнушка. Собрались все на печку и стали плакать.

Когда убили Бурёнушку, сняли шкуру и разрезали на части, у ней в горле нашли стекло. И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях.

Когда Миша узнал это, он стал горько плакать и признался матери о стакане. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала:

– Убили мы свою Бурёнушку, купить теперь не на что. Как проживут малые дети без молока?

Миша ещё пуще стал плакать и не слезал с печи, когда ели студень из коровьей головы. Он каждый день во сне видел, как дядя Василий нёс за рога мёртвую, бурю голову Бурёнушки с открытыми глазами и красной шеей.

С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда Марья попросит у соседней горшочек.

Случилось, барыне той деревни понадобилась к дитяти няня. Старушка и говорит дочери:

– Отпусти меня, я пойду в няни, и тебе, может, бог поможет одной с детьми управляться. А я, бог даст, заслужу в год на корову.

Так и сделали. Старушка ушла к барыне. А Марье ещё тяжелее с детьми стало. И дети без молока целый год жили: один кисель и *тюрю* ели и стали худые и бледные.

Прошёл год, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей.

– Ну, дочка! – говорит. – Теперь купим корову.

Обрадовалась Марья, обрадовались все дети. Собрались Марья со старухой на базар покупать корову. Соседку попросили с детьми побыть, а соседа дядю Захара попросили с ними поехать, выбирать корову. Помолились богу, поехали в город.

Дети пообедали и вышли на улицу смотреть: не ведут ли корову. Стали дети судить, какая будет корова – бурая или чёрная. Стали они говорить, как её кормить будут. Ждали они, ждали целый день. За версту ушли встречать корову, уж смеркаться стало, вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идёт пёстрая корова, за рога привязана, и идёт сзади мать, хворостиной подгоняет. Подбежали дети, стали смотреть корову. Набрали хлеба, травы, стали кормить.

Мать пошла в избу, разделась и вышла на двор с полотенцем и подойником. Она села под корову, обтёрла вымя. Господи, благослови! – стала доить корову; а дети сели кругом и смотрели, как молоко брызнуло из вымя в край подойника и засвистело у матери из-под пальцев. Надоила мать половину подойника, снесла на погреб и отлила детям горшочек к ужину.

Старая лошадь

У нас был старый старик, Пимен Тимофеич. Ему было девяносто лет. Он жил у своего внука без дела. Spина у него была согнутая, он ходил с палкой и тихо передвигал ногами. Зубов у него совсем не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда он ходил и когда говорил, он шлёпал губами, и нельзя было понять, что он говорит.

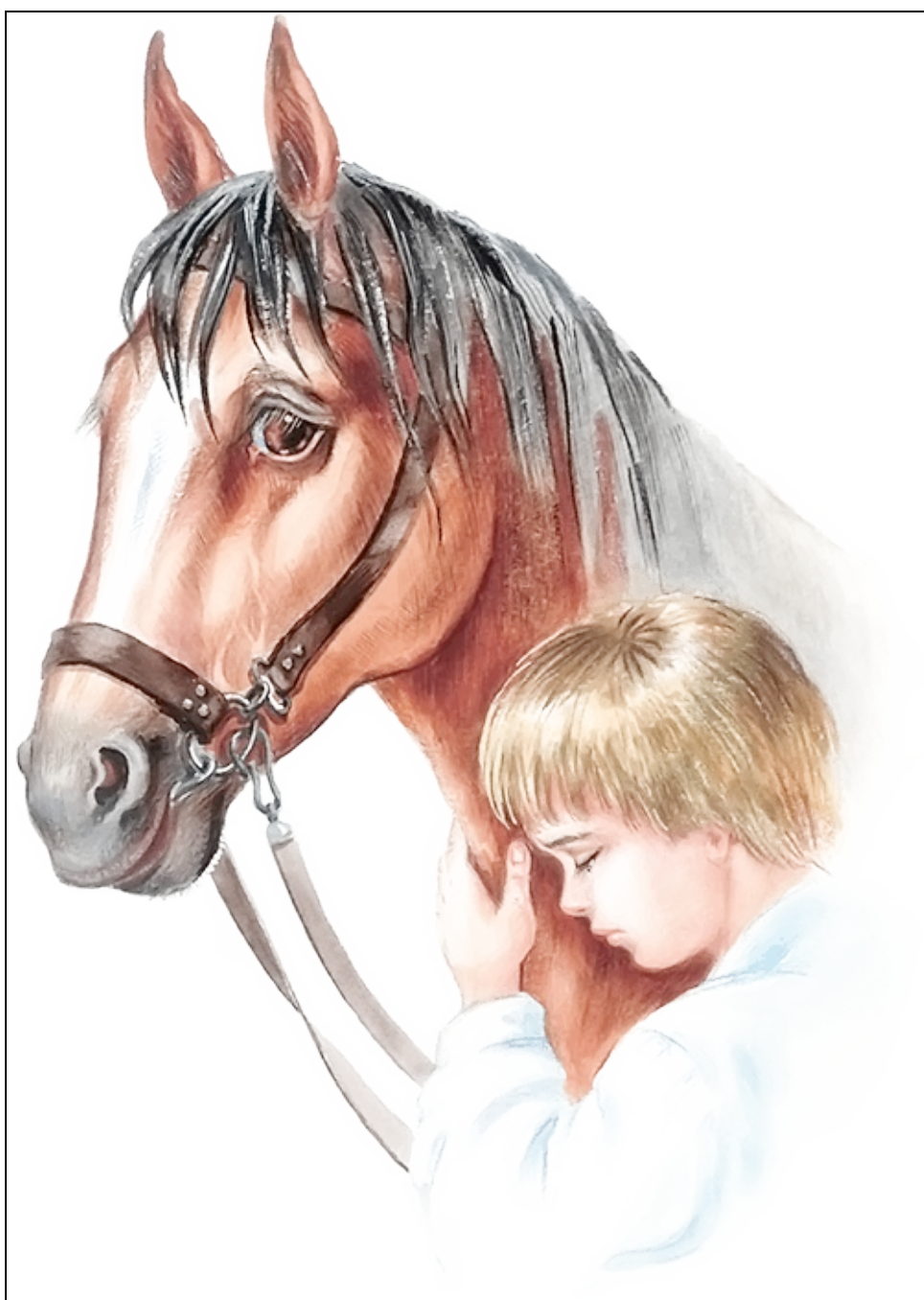
Нас было четыре брата, и все мы любили ездить верхом. Но смирных лошадей у нас для езды не было. Только на одной старой лошади нам позволяли ездить: эту лошадь звали Воронок.

Один раз матушка позволила нам ездить верхом, и мы все пошли в конюшню с дядькой. Кучер оседлал нам Воронка, и первый поехал старший брат.

Он долго ездил; ездил на гумно и кругом сада, и, когда он подъезжал назад, мы закричали: – Ну, теперь проскачи!

Старший брат стал бить Воронка ногами и хлыстом, и Воронок проскакал мимо нас.

После старшего сел другой брат, и он ездил долго и тоже хлыстом разогнал Воронка и проскакал из-под горы. Он ещё хотел ездить, но третий брат просил, чтобы он поскорее пустил его.

Третий брат проехал и на гумно, и вокруг сада, да ещё и по деревне, и шибко проскакал из-под горы к конюшне. Когда он подъехал к нам, Воронок сопел, а шея и лопатки потемнели у него от пота.

Когда пришёл мой черёд, я хотел удивить братьев и показать им, как я хорошо езжу, – стал погонять Воронка изо всех сил, но Воронок не хотел идти от конюшни. И сколько я ни колотил его, он не хотел скакать, а шёл шагом и то всё заворачивал назад. Я злился на лошадь и изо всех сил бил её хлыстом и ногами.

Я старался бить её в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок всё не хотел скакать.

Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне:

– Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?

Я обиделся и сказал:

– Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачал головой и сказал:

– Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему двадцать лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Всё равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то через силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?

Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощения за то, что я его бил.

С тех пор я вырос большой и всегда жалею лошадей и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимофеича, когда вижу, что мучают лошадей.

Как я выучился ездить верхом

Рассказ барина

Когда жили в городе, мы каждый день учились, только по воскресеньям и по праздникам ходили гулять и играли с братьями. Один раз батюшка сказал:

– Надо старшим детям учиться ездить верхом. Послать их в манеж.

Я был меньше всех братьев и спросил:

– А мне можно учиться?

Батюшка сказал:

– Ты упадёшь.

Я стал просить его, чтоб меня тоже учили, и чуть не заплакал.

Батюшка сказал:

– Ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадёт с лошади, не выучится верхом ездить.

Когда пришла середина, нас троих повезли в манеж. Мы вошли на большое крыльцо, а с большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А под крылечком была очень большая комната. В комнате вместо пола был песок. И по этой комнате ездили верхом господа и барыни и такие же мальчики, как мы. Это и был манеж. В манеже было не совсем светло и пахло лошаадьми, и слышно было, как хлопают бичами, кричат на лошадей, и лошади стучат копытами о деревянные стены.

Я сначала испугался и не мог ничего рассмотреть. Потом наш дядька позвал *берейтора* и сказал:

– Вот этим мальчикам дайте лошадей, они будут учиться ездить верхом.

Берейтор сказал:

– Хорошо.

Потом он посмотрел на меня и сказал:

– Этот мал очень.

А дядька сказал:

– Он обещает не плакать, когда упадёт.

Берейтор засмеялся и ушёл.

Потом привели трёх осёдланных лошадей; мы сняли шинели и сошли по лестнице вниз в манеж, берейтор держал лошадь за корду, а братья ездили кругом него.

Сначала они ездили шагом, потом рысью. Потом привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвост у неё был обрезан. Её звали Червончик. Берейтор засмеялся и сказал мне:

– Ну, кавалер, садитесь.

Я и радовался, и боялся, и старался так сделать, чтоб никто этого не заметил. Я долго старался попасть ногою в стремя, но никак не мог, потому что я был слишком мал. Тогда берейтор поднял меня на руки и посадил. Он сказал:

– Не тяжёл барин – фунта два, больше не будет.

Он сначала держал меня за руку; но я видел, что братьев не держали, и просил, чтобы меня пустили. Он сказал:

– А не боитесь?

Я очень боялся, но сказал, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончик всё поджимал уши. Я думал, что он на меня сердится.

Берейтор сказал:

– Ну, смотрите ж, не падайте! – и пустил меня.

Сначала Червончик ходил шагом, и я держался прямо. Но седло было скользкое, и я боялся свернуться.

Берейтор меня спросил:

– Ну, что, утвердились?

Я ему сказал:

– Утвердился.

– Ну, теперь рысцой! – и берейтор защёлкал языком.

Червончик побежал маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я всё молчал и старался не свернуться на бок. Берейтор меня похвалил:

– Ай да кавалер, хорошо!

Я был очень этому рад.

В это время к берейтору подошёл его товарищ и стал с ним разговаривать, и берейтор перестал смотреть на меня.

Только вдруг я почувствовал, что я свернулся немножко на бок седла. Я хотел поправиться, но никак не мог. Я хотел закричать берейтору, чтоб он остановил, но думал, что будет стыдно, если я это сделаю, и молчал. Берейтор не смотрел на меня. Червончик всё бежал рысью, и я ещё больше сбился на бок. Я посмотрел на берейтора и думал, что он поможет мне; а он всё разговаривал со своим товарищем и, не глядя на меня, приговаривал:

– Молодец, кавалер!

Я уже совсем был на боку и очень испугался. Я думал, что я пропал. Но кричать мне стыдно было.

Червончик тряхнул меня ещё раз, я совсем соскользнул и упал на землю. Тогда Червончик остановился, берейтор оглянулся и увидел, что на Червончике меня нет. Он сказал:

– Вот-те на! Свалился кавалер мой, – и подошёл ко мне.

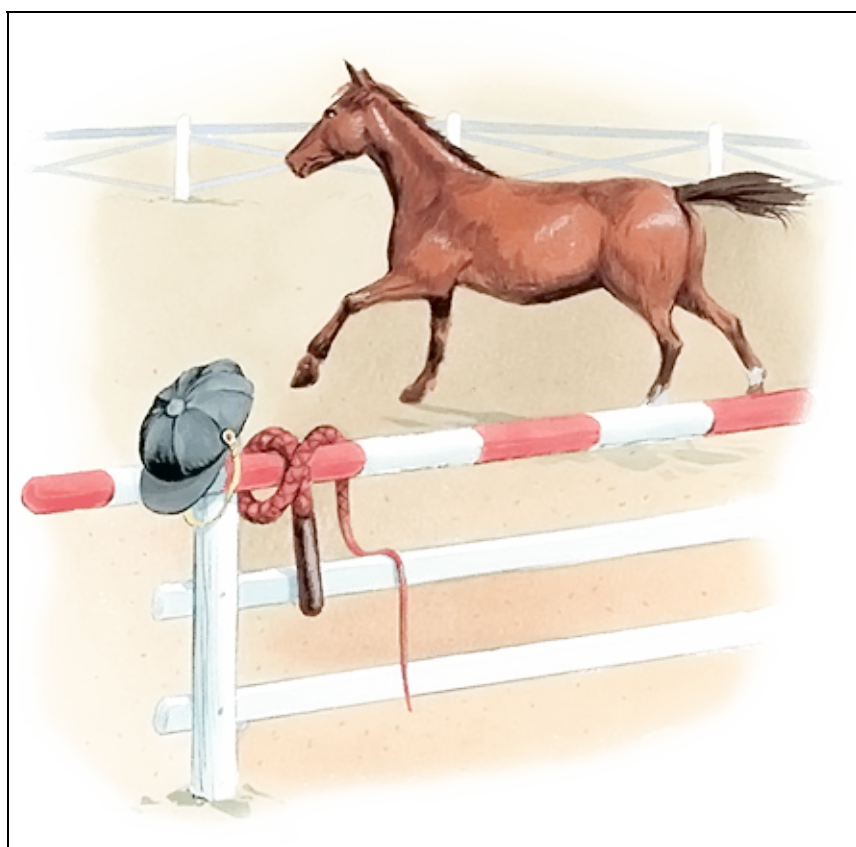
Когда я ему сказал, что не ушибся, он засмеялся и сказал:

– Детское тело мягкое.

А мне хотелось плакать.

Я попросил, чтобы меня опять посадили, и меня посадили. И я уж больше не падал.

Так мы ездили в манеже два раза в неделю, и я скоро выучился ездить хорошо и ничего не боялся.

Лев и собачка

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям. Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ощерился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ощерился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих.

Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Старый тополь

Пять лет наш сад был заброшен; я нанял работников с топорами и лопатами и сам стал работать с ними в саду. Мы вырубали и вырезывали сушь и дичь и лишние кус ты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другие деревья тополь и черёмуха. Тополь идёт от корней, и его нельзя вырыть, а в земле надо вырубать корни. За прудом стоял огромный, в два обхвата, тополь. Вокруг него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велел их рубить: мне хотелось, чтобы место было весёлое, а главное, – мне хотелось облегчить старый тополь, потому что я думал: все эти молодые деревья от него идут и из него тянут сок. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мне иногда жалко становилось смотреть, как разрубали под землёю их сочные корни, как потом вчетвером мы тянули и не могли выдернуть надрубленный тополёк. Он изо всех сил держался и не хотел умирать. Я подумал: «Видно, нужно им жить, если они так крепко держатся за жизнь». Но надо было рубить, и я рубил. Потом уже, когда было поздно, я узнал, что не надо было уничтожать их.

Я думал, что отростки вытягивают сок из старого тополя, а вышло наоборот. Когда я рубил их, старый тополь уже умирал. Когда распустились листья, я увидел (он расходился на два сука), что один сук был голый; и в то же лето он засох. Он давно уже умирал и знал это и передал свою жизнь в отростки.

От этого они так скоро разрослись, а я хотел его облегчить – и побил всех его детей.

На Святой пошёл мужик посмотреть – оттаяла ли земля? Он вышел на огород и колом ощупал землю. Земля раскисла. Мужик пошёл в лес. В лесу на лозине уже надулись почки.

Мужик и подумал:

«Дай обсажу огород лозиной, вырастет – защита будет!»

Взял топор, нарубил десяток лозиннику, затесал с толстых концов кольями и воткнул в землю.

Все лозинки выпустили побеги вверху с листьями и внизу под землёю выпустили такие же побеги вместо корней; и одни зацепились за землю и принялись, а другие неловко зацепились за землю корнями – замерли и повалились.

К осени мужик порадовался на свои лозины: шесть штук принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и две только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсем пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревом. По вёснам пчёлы гудья гудели на лозине. В роёвщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали их. Бабы и мужики часто завтракали и спали под лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали из неё прутья.

Мужик – тот, что посадил лозину, давно уже умер, а она всё росла. Старший сын два раза срубал с неё сучья и топил ими. Лозина всё росла. Обрубят её кругом, сделают шишку, а она на весну выпустит опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежних, как вихор у жеребёнка.

И старший сын перестал хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистом поле. Чужие мужики ездили, рубили её – она всё росла. Грозой ударило в лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвела. Один мужик хотел срубить её на колоду, да бросил: она была дюже гнила. Лозина свалилась набок и держалась только одним боком, а всё росла, и всё каждый год прилетали пчёлы обирать с её цветов поноску.

Собрались раз ребята рано весной стеречь лошадей под лозину. Показалось им холодно; они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Один взлез на лозину, с неё же наломал сучьев. Склали они всё в дупло лозины и зажгли.

Зашипела лозина, закипел в ней сок, пошёл дым, и стал перебегать огонь; всё нутро её почернело. Сморщились молодые побеги, цветы завяли.

Ребята угнали домой лошадей. Обгорелая лозина осталась одна в поле. Прилетел чёрный

ворон, сел на неё и закричал:

– Что, издохла, старая кочерга, давно пора было!

Одна черёмуха выросла на дорожке из орешника и заглушала *лещиновые* кусты. Долго думал я – рубить или не рубить её: мне жаль было. Черёмуха эта росла не кустом, а деревом, *вершка* три в отрубе и *сажени* четыре в вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная ярким, белым, душистым цветом. Издалека слышен был её запах. Я бы и не срубил её, да один из работников (я ему прежде сказал вырубить всю черёмуху) без меня начал рубить её. Когда я пришёл, уже он врубился в неё *вершка* на полтора, и сок так и хлюпал под топором, когда он попадал в прежнюю тяпку. «Нечего делать, видно, судьба», – подумал я, взял сам топор и начал рубить вместе с мужиком.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топор, и потом напрямик подсечь подкошенное, и дальше и дальше врубаться в дерево.

Я совсем забыл о черёмухе и только думал о том, как бы скорее свалить её. Когда я запыхался, я положил топор, упёрся с мужиком в дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов.

В то же время, точно вскрикнуло что-то, – хрустнуло в середине древа; мы налегли, и как будто заплакало, – затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились.

– Эх! Штука-то важная! – сказал мужик. – Живо жалко!

А мне так было жалко, что я поскорее отошёл к другим рабочим.

Как ходят деревья

Раз мы вычищали на *полубугре* подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, потом пришла черёмуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лет. А пять лет тому назад я знал, что сад был чищен.

Я никак не мог понять, как могла тут вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили её и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черёмуха, даже ещё потолще. Я осмотрел её корень и нашёл, что она росла под старой липой.

Липа своими сучьями заглушила её, и черёмуха протянулась *аршин* на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил её в корне и подивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил её, мы с мужиками стали её оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли её сдвинуть: она как будто прилипла.

Я сказал:

– Посмотри, не зацепили ли где?

Работник подлез под неё и закричал:

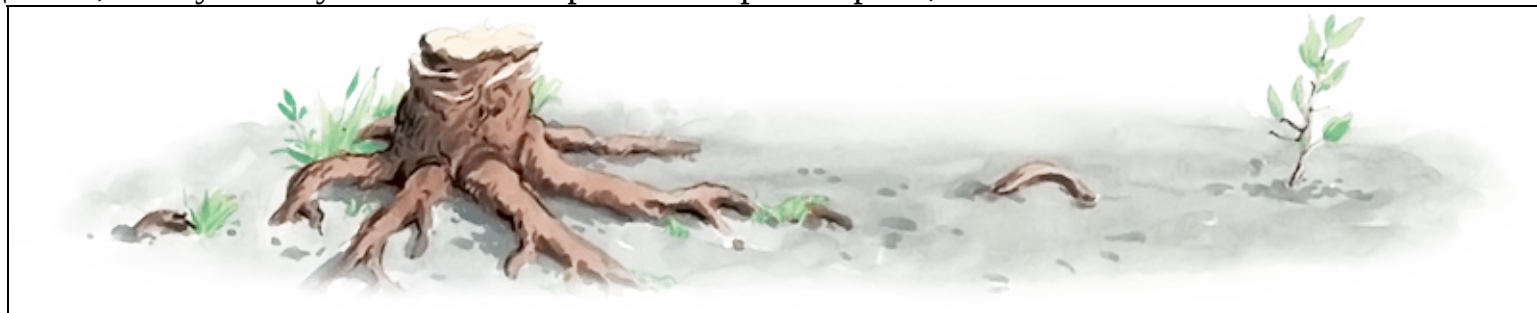
– Да у ней другой корень, вот на дороге!

Я подошёл к нему и увидел, что это была правда.

Черёмуха, чтобы её не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий.

Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила.

Тогда только я понял, как выросла та первая черёмуха на дороге. Она то же, верно, сделала, – но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашёл его.

Ребёнок был болен. Он бился, метался, потом затих. Мать думала, что он заснул; посмотрела – а он не дышит.

Она стала плакать, позвала бабушку и говорит:

– Посмотри, у меня ребёночек умер.

Бабушка говорит:

– погоди плакать, может быть, он только замер, а не умер. Вот, дай приставим стёклышко к ротику, если отпотеет, значит, дышит и жив.

Приставили стёклышко к ротику. Стёклышко отпотело. Ребёнок был жив.

Он проснулся и выздоровел.

Великим постом была оттепель, да не согнала всего снега, и опять заморозило, и сделался туман.

Рано утром пошёл я по насту в сад. Смотрю – все яблони пёстрые: одни сучки чёрные, а другие точно посыпаны белыми звёздочками. Подошёл я ближе – посмотрел чёрные сучки – все сухие, посмотрел на пёстрые – все живые и все по почкам облипли инеем. Нигде нет инея, только на самых на кончиках почек, на ротиках, там, где раскрываться начали, точно как усы и борода у мужиков обындевеют на морозе.

Мёртвые деревья не дышат, а живые деревья дышат так же, как люди. Мы ртами и носами, они – почками.

Я посадил двести молодых яблонь и три года весною и осенью окапывал их, и на зиму завёртывал соломой от зайцев. На четвёртый год, когда сошёл снег, я пошёл посмотреть свои яблони. Они потолстели в зиму; кора на них была глянцевитая и налитая; сучки все были целы и на всех кончиках и на развилинках сидели круглые, как горошинки, цветочные почки. Кое-где уже лопнули *распукалки* и виднелись алые края цветочных листьев. Я знал, что все распуколки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидел, что внизу, над самой землёю, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину, как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню – и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолой и воском; но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики – и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте, где расходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и поболели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то всё дикие.

Кора у деревьев – те же жилы у человека: чрез жилы кровь ходит по человеку – и чрез кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить всё нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива – и дерево будет жить; но если кора пропадёт, дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, он умрёт, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и берёза засыхает, когда ребята продолбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из корней в сучья, листья и цвет.

Как волки учат своих детей

Я шёл по дороге и сзади себя услышал крик. Кричал мальчик-пастух. Он бежал полем и на кого-то показывал.

Я поглядел и увидел – по полю бегут два волка: один *матерой*, другой молодой. Молодой нёс на спине зарезанного ягнёнка, а зубами держал его за ногу. Матёрой волк бежал позади.

Когда я увидел волков, я вместе с пастухом побежал за ними, и мы стали кричать. На наш крик прибежали мужики с собаками.

Как только старый волк увидел собак и народ, он подбежал к молодому, выхватил у него ягнёнка, перекинул себе на спину, и оба волка побежали скорее и скрылись из глаз.

Тогда мальчик стал рассказывать, как было дело: из оврага выскочил большой волк, схватил ягнёнка, зарезал его и понёс.

Навстречу выбежал волчонок и бросился к ягнёнку. Старый отдал нести ягнёнка молодому волку, а сам налегке побежал возле.

Только когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял ягнёнка.

Зайцы

Описание

Зайцы по ночам кормятся. Зимой зайцы лесные кормятся корою деревьев, зайцы полевые – озимями и травой, гуменники – хлебными зёрнами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники – и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страха метаться из стороны в сторону. Проскачет вперёд, испугается чего-нибудь и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь – и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь – опять заяц повернётся назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет. Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам, удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Смерклось. Стали совы летать в лесу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочил на полянку большой русак, стал охорашиваться.

Старая сова посмотрела на русака и села на сук, а молодая сова говорит:

– Что ж ты зайца не ловишь?

Старая говорит:

– Не по силам – велик русак: ты в него вцепишься, а он тебя уволочёт в чащу.

А молодая сова говорит:

– А я одной лапой вцеплюсь, а другой поскорее за дерево придержусь.

И пустилась молодая сова за зайцем, вцепилась ему лапой в спину так, что все когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево уцепиться. Как поволок заяц сову, она уцепилась другой лапой за дерево и думала: «Не уйдёт».

Заяц рванулся и разорвал сову. Одна лапа осталась на дереве, другая на спине у зайца.

На другой год охотник убил этого зайца и дивился тому, что у него в спине были заросшие совиные когти.

Булька

Рассказ офицера

У меня была мордашка... Её звали Булькой. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верх – ние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смиренный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую *перекладную*, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то тягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

Булька и кабан

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнались, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свиньи тогда бывают очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограда, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, – кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирён, что недолго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют; а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бежал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец, я услышал протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услышал – зашуршало что-то сзади и увидал Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и так же, как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его чёрная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шёл, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услышал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал чрез чащу к тому месту. В самой глухой чаще я увидел пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трёх шагах от неё возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услышал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую – гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним, я по чаще ломился за ними. Вдруг, почти у себя под ногами, я увидел и услышал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал: «Пропала собака»; но мне теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидел кабана. Собаки хватили его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидел меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз, почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, зашатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошёл, кабан уже был мёртвый и только то там, то тут его пучило и подёргивало. Но собаки, оцетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошёл его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошёл к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот, и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он всё лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтоб вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой.

Булька проболел недель шесть и выздоровел.

Фазаны

Описание

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся с кобылкой, с подсаду и из-под собаки.

С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину, а в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьём на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собой и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зорям кормятся на полянках; иногда целый выводок – наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека и не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружьё в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пускают дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдёт фазана, она бросится за ним.

Фазан взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сидел бы прямо на дереве – так, чтобы его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рассмотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится её, сидит на сучке и ещё петушится на неё и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку на своё лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьём, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотятся вот как: берут легавую собаку и ходят за ней по лесу. Собака чутьём услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И, сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдёт последний след, выход с того

места, где кормились. Чем дальше будет идти собака по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдёт до того места, где днём сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдёт близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она всё будет идти осторожнее, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдёт совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

Мильтон и Булька

Я завёл себе для фазанов легавую собаку.

Собаку эту звали Мильтон: она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными *брылами* и ушами и очень сильная и умная.

С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он, бывало, только покажет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь.

Один раз я пошёл с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошёл дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать, Булька бросился вперёд и стал соваться во все стороны. Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся; но чутьё у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шёл Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперёд. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперёд и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперёд, Мильтон бросит след, повернёт в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнёт хвостом и пойдёт опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Мильтону, забегает вперёд, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведёт меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дело.

Один раз я пошёл с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружьё и пошёл за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошёл в лес, а в поле. Я шёл за ним и глядел вперёд. Вдруг я увидел то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая тёмно-серая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина её вся была покрыта корой.

Когда она увидела собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил её и стал грызть, но не мог прокусить её, потому что у черепахи на брюхе такая же скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у неё разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь её в руках и смотришь под скорлупу, то только внутри, как в подвале, видно что-то чёрное и живое.

Я бросил черепаху на траву и пошёл дальше, но Мильтон не хотел её оставить, а нёс в зубах за мною. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на неё за это, что стал лаять и опять схватил её и понёс за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил её. Он стал торопиться лапами подле неё рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землёю.

Черепашки живут и на земле, и в воде, как ужи и лягушки. Детей они выводят яйцами, и яйца кладут на земле, и не высиживают их, а яйца сами, как рыбья икра, лопаются – и выводятся черепашки. Черепашки бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в двадцать пудов. Большие черепашки живут в морях.

Одна черепаха в весну кладёт сотни яиц. Скорлупа черепахи – это её рёбра. Только у людей

и других животных рёбра бывают каждое отдельно, а у черепахи рёбра срослись в скорлупу. Главное же то, что у всех животных рёбра бывают внутри, под мясом, а у черепахи рёбра сверху, а мясо под ними.

Булька и волк

Когда я уезжал с Кавказа, тогда ещё там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришёл провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услышали, что через улицу на дворе пицтит поросёнок. Один из нас закричал:

– Это волк душит поросёнка!

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружьё и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пицтал поросёнок, и кричали мне:

– Сюда!

Мильтон бросился за мной, – верно, думал, что я на охоту иду с ружьём, – а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться.

Когда я подбежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора, прямо ко мне, бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отсторонился от него и приготовил ружьё. Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружьё сделало «чик» и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали, что было силы, за волком, но и волк и собаки скрылись у нас из виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услышали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль, и что собаки возились с волком.

Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой, – он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

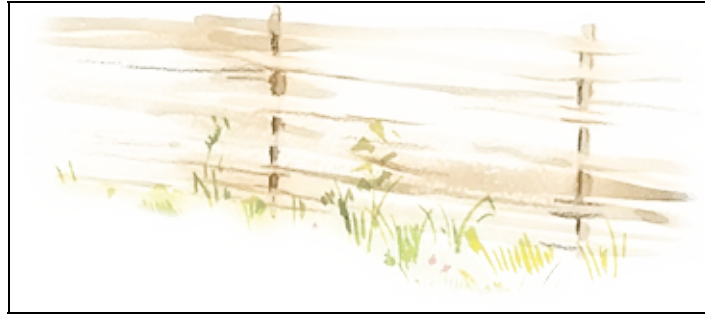
Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружьё моё осеклось, и всё думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если б оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, что это была ведьма и что она заколдовала моё ружьё. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились, и мы увидали на середине улицы, перед нами, опять того же волка; но в этот раз он от нашего крика так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уже совсем уверился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк,

после того, как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану порошу и зажѣг его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она ещё не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдѣтся по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

Конец Бульки и Мильтона

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время.

Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того, чтобы брать его с собою только на птицу, он стал водить его за кабанями. И в ту же осень *секач* кабан спорол его. Никто не умел его защитить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от *колодников*. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и стал лизать всё, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слышал про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог, а случилось это с ним шесть недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк, точно, был бешеный. Булька взбесился и ушёл. С ним сделалось то, что называют по-охотничьи – стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги. Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как он издох. Если бы он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услышал про него. А, верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда с умной собакой делается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится.

Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

Сан-готардская собака

Описание

Есть рядом две земли: Швейцария и Италия. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти так высоки, что снег на них никогда не тает. По дороге из Швейцарии в Италию надо переходить через эти горы. Дорога идёт через гору Сан-Готард. На самом верху этой горы, на дороге, построен монастырь. И в этом монастыре живут монахи. Монахи эти молятся Богу и пускают к себе дорожных людей на отдых и на ночлег. На Сан-Готарде всегда бывает пасмурно; летом туман, и ничего не видно. А зимой бывают такие метели, что на пять аршин заносит снегом. И проезжие и прохожие часто замерзают в эти метели. У монахов есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать в снегу людей.

Один раз по дороге в Швейцарию шла женщина с ребёночком. Началась метель; женщина сбилась с дороги, села в снегу и застыла. Монахи вышли с собаками и нашли женщину с ребёночком. Монахи отогрели ребёночка и выкормили. А женщину они принесли уже мёртвую и похоронили у себя в монастыре.

Орёл свил себе гнездо на большой дороге, вдали от моря, и вывел детей.

Один раз подле дерева работал народ, а орёл подлетел к гнезду с большой рыбой в когтях. Люди увидели рыбу, окружили дерево, стали кричать и бросать в орла камнями.

Орёл выронил рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орёл сел на край гнезда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орёл устал и не мог лететь опять на море; он спустился в гнездо, прикрыл орлят крыльями, ласкал их, оправлял им пёрышки и как будто просил их, чтобы они подождали немного. Но чем больше он их ласкал, тем громче они пищали.

Тогда орёл отлетел от них и сел на верхний сук дерева.

Орлята засвистали и запищали ещё жалобнее.

Тогда орёл вдруг сам громко закричал, расправил крылья и тяжело полетел к морю. Он вернулся только поздно вечером: он летел тихо и низко над землёю, в когтях у него опять была большая рыба.

Когда он подлетал к дереву, он оглянулся, – нет ли опять вблизи людей, быстро сложил крылья и сел на край гнезда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орёл разорвал рыбу и накормил детей.

Пожарные собаки

Бывает часто, что в городах на пожарах остаются дети в домах и их нельзя вытащить, потому что они от испуга спрячутся и молчат, а от дыма нельзя их рассмотреть. Для этого в Лондоне приучены собаки. Собаки эти живут с пожарными, и когда загорится дом, то пожарные посылают собак вытаскивать детей. Одна такая собака в Лондоне спасла двенадцать детей; её звали Боб.

Один раз загорелся дом. И когда пожарные приехали к дому, к ним выбежала женщина. Она плакала и говорила, что в доме осталась двухлетняя девочка. Пожарные послали Боба. Боб побежал по лестнице и скрылся в дыме. Через пять минут он выбежал из дома и в зубах за рубашонку нёс девочку. Мать бросилась к дочери и плакала от радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали её – не обгорела ли она; но Боб рвался опять в дом. Пожарные подумали, что в доме есть ещё что-нибудь живое, и пустили его. Собака побежала в дом и скоро выбежала с чем-то в зубах. Когда народ рассмотрел то, что она несла, то все расхохотались: она несла большую куклу.

Воробей и ласточки

Раз я стоял на дворе и смотрел на гнездо ласточек под крышей. Обе ласточки при мне улетели, и гнездо осталось пустое.

В то время, когда они были в отлучке, с крыши слетел воробей, прыгнул на гнездо, оглянулся, взмахнул крыльшками и юркнул в гнездо; потом высунул оттуда свою головку и зачирикал.

Скоро после того прилетела к гнезду ласточка. Она сунулась в гнездо, но, как только увидела гостя, запищала, побилась крыльями на месте и улетела.

Воробей сидел и чирикал.

Вдруг прилетел табунок ласточек; все ласточки подлетали к гнезду – как будто для того, чтоб посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робел, поворачивал голову и чирикал.

Ласточки опять подлетали к гнезду, что-то делали и опять улетали.

Ласточки не даром подлетали: они приносили каждая в клювике грязь и понемногу замазывали отверстие гнезда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и всё больше и больше замазывали гнездо, и отверстие становилось всё теснее и теснее.

Сначала видна была шея воробья, потом уже одна головка, потом носик, а потом и ничего не стало видно; ласточки совсем замазали его в гнезде, улетели и со свистом стали кружиться вокруг дома.

Первый перелёт

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь; и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водой.

На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями, но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее.

Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл книзу. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете.

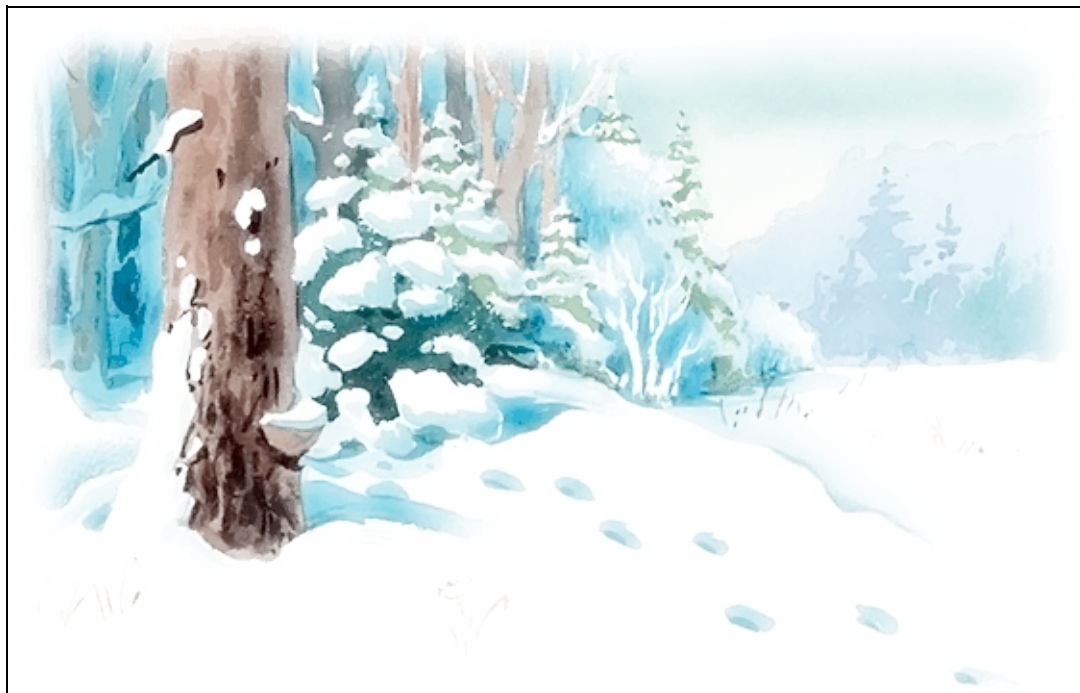
Лебедь спустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза.

Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и, взмахнув крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тёмными всколыхавшимися волнами.

Охота пуще неволи

Рассказ охотника

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушёл.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать три дня, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик-медвежатник говорит:

– Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней через пять обойти можно, а теперь за ним ходить – только напугаешь, он и не ляжет.

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно.

– По этому снегу, – говорит, – медведь далеко не уйдёт, – медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню.

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю:

– Да что спорить. Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдём – хорошо, не обойдём – всё равно делать нынче нечего, а ещё не поздно.

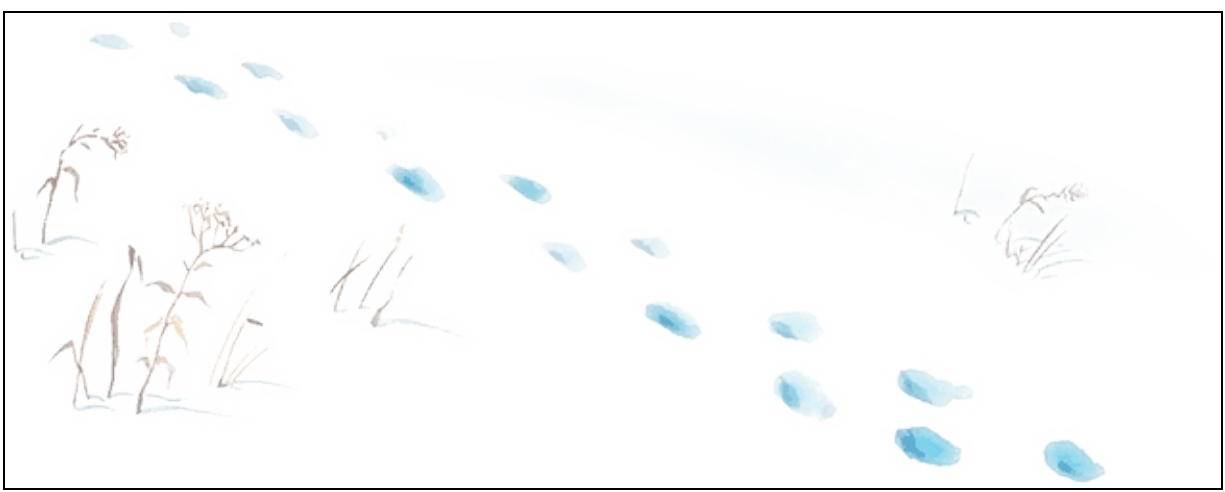
Так и сделали.

Товарищи пошли к саням да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да ещё снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалика был виден. Видно было, как шёл медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошёл след в мелкий ельник, Демьян остановился.

– Надо, – говорит, – бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал – на снегу видно. Пойдём прочь от следа и круг дадим. Только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнёшь.

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим – след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошёл медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где – как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошёл он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит:

– Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдёт с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдёт же в деревню.

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди – след с дороги. Посмотрели – что за чудо! След медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идёт: пальцами к дороге. Я говорю:

– Это другой медведь.

Демьян посмотрел, подумал.

– Нет, – говорит, – это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошёл.

Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошёл с дороги шагов десять задом, зашёл за сосну, повернулся и пошёл прямо. Демьян остановился и говорит:

– Теперь верно обойдём. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдём в обход.

Пошли мы в обход, по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевелевый наедешь, зацепишь, то промеж ног ёлочка подвернётся, то лыжа свернётся без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал я уж уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льёт. А Демьян как на лодке плывёт. Точно сами под ним лыжи ходят. Ни зацепит нигде, ни свернётся. И мою шубу ещё себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг *версты* в три, обошли болото. Я уже отставать стал, – лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошёл. Демьян пригнулся, шепчет и показывает:

– Видишь, сорока над *ломом* щекочет; птица издалече его дух слышит. Это он.

Взяли мы прочь, прошли ещё с версту и нашли опять на старьй след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял, и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян покраснелся, рукавом утирается.

– Ну, – говорит, – барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо.

А уж заря сквозь лес краснеться стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни.

– Да вёрст двенадцать будет. Дойдём ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься.

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я – что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и на всём блёстки блестят. Глянул вверх – разводы белые, а промеж разводов свод какой-то воронёный, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни – это звёзды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздаётся. Один раз только живое что-то зашумело близёхонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, увидали следы заячьи, и осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звёзды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут – точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал – я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: товарищ уж одет, с ружьём что-то возится.

– А где Демьян?

– Он уже давно в лесу. Уж и обклад проверил, сюда прибежал; а теперь повёл загонщиков заводить.

Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз всё держался крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синеет, и народ стоит – мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повёл их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человек – только по пояс их видно – зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда, – как промежду двух стен идёшь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим – уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на своё место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идёт. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвёл курки и стал раздумывать, где бы мне лучше стать.

Сзади меня в трёх шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружьё другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружьё взял в руки, а другое с взведёнными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу, кричит в лесу Демьян:

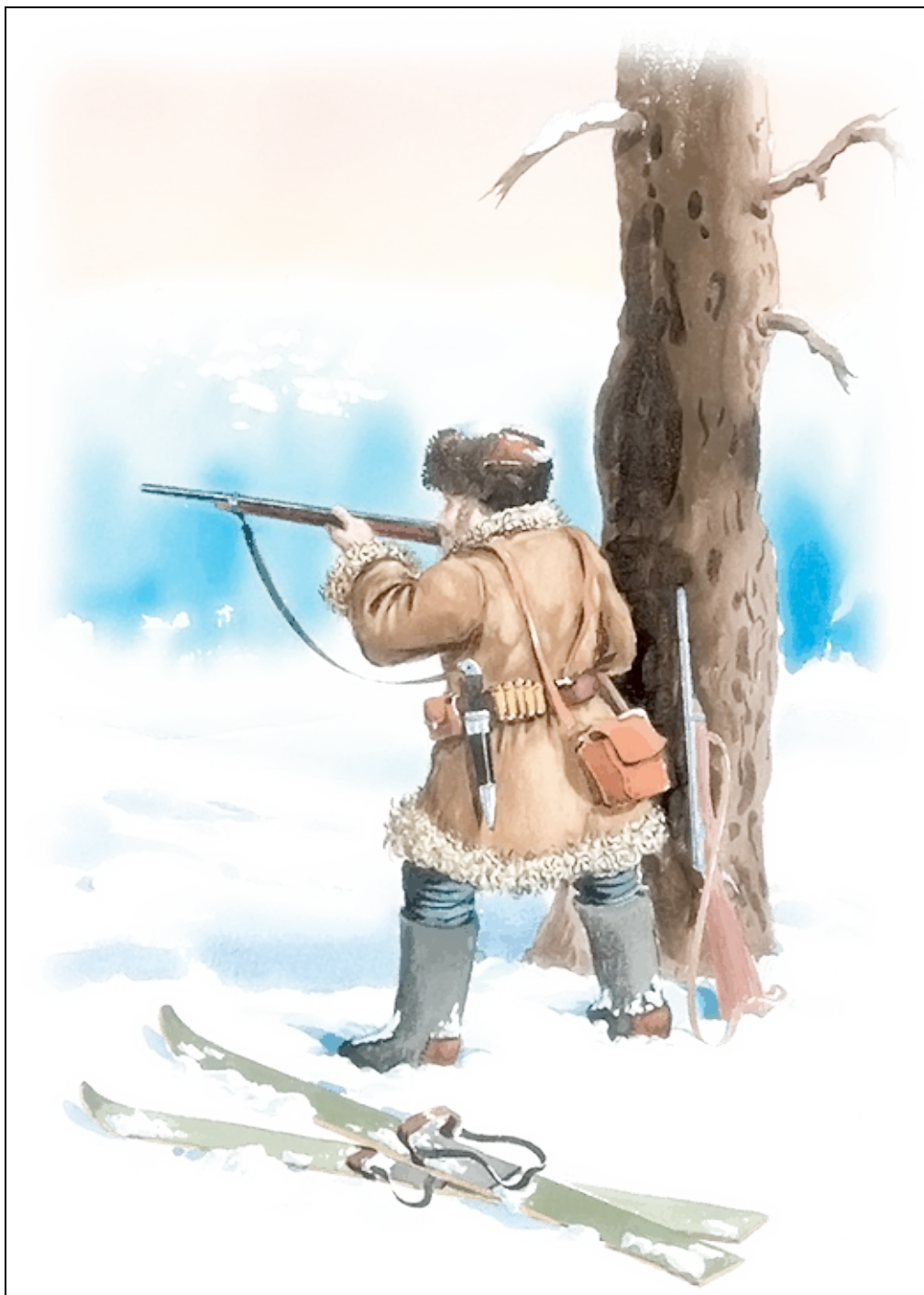
– Пошёл! В ход пошёл! Пошёл!

И как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами.

– Пошёл! Уууу! – кричали мужики.

– Ай! И-их! – кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя.

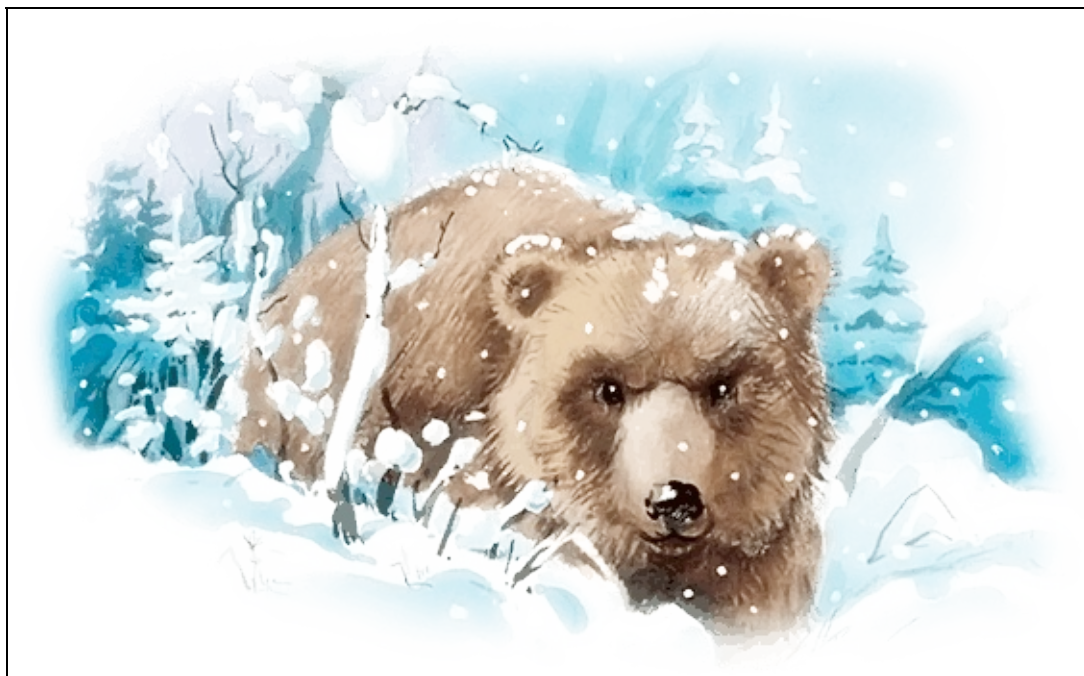

Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружьё, подрагиваю. «Вот-вот, – думаю, – выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадёт...» Вдруг налево слышу я, в снегу

обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на пятьдесят, за деревьями, стоит что-то чёрное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сторяча. Хлоп! – слышу: шлёпнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма, – медведь мой назад катит в обход и скрылся за лесом. «Ну, – думаю, пропало моё дело; теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдёт, а уж не на меня». Стою я, зарядил опять ружьё и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу, кричит какая-то баба:

– Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!

Видно – на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой, без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружьё, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! – выпалил. «Ну, – думаю, – убил». Только смотрю, не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, – уйдёт, – думаю, – теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!» Что такое? Впереди себя слышу вдруг – как вихорь летит кто-то, близёхонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямёхонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав и, видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь чёрная иловица огромная с рыжинкой. Летит прямёхонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу *катит благим матом*, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружьё, выстрелил, – а уже он ещё ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружьё, чуть не упёр в него, в голову. Хлоп! – вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружьё; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, – думаю, – хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу – давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжёлое, слышу тёплое над лицом и слышу, забирает он в пасть всё лицо моё. Нос мой уж у него во рту, и чую я – жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю

голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдёргиваюсь, а он торопится и, как собака, грызёт – жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, – думаю, – конец мой пришёл». Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю, нет его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидали, что медведь сбил меня в снег и грызёт, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит:

– Барина заел! Барина заел! – Сам бежит и кричит на медведя: – Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а стгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю:

– Где медведь, куда ушёл?

Вдруг слышим:

– Вот он! Вот он!

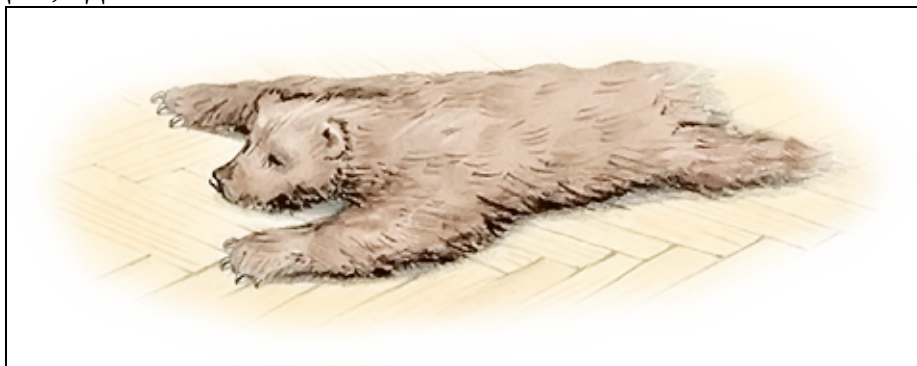
Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не поспел никто выстрелить – уж он пробежал. Медведь остервенел, – хотелось ему ещё погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идёт кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шёлком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик и на нём прекрасная чёрная шкура.

Я сделал из неё чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику.

Дверь была открыта; она посмотрела в дверь, видит – в домике никого нет, и вошла. В домике этом жили три медведя. Один медведь был отец, звали его Михаил Иванович. Он был большой и лохматый. Другой была медведица. Она была поменьше, и звали её Настасья Петровна. Третий был маленький медвежонок, и звали его Мишутка. Медведей не было дома, они ушли гулять по лесу.

В домике было две комнаты: одна столовая, другая спальня. Девочка вошла в столовую и увидела на столе три чашки с похлёбкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подле каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Девочка взяла самую большую ложку и похлебала из самой большой чашки; потом взяла среднюю ложку и похлебала из средней чашки; потом взяла маленькую ложечку и похлебала из синенькой чашечки. И Мишуткина похлёбка ей показалась лучше всех.

Девочка захотела сесть и видит – у стола три стула: один большой, Михайлы Ивановичев, другой поменьше, Настасьи Петровнин, и третий маленький, с синенькой подушечкой – Мишуткин.

Она полезла на большой стул и упала; потом села на средний стул, на нём было неловко; потом села на маленький стульчик и засмеялась – так было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колени и стала есть. Поела всю похлёбку и стала качаться на стуле.

Стульчик проломился, и она упала на пол. Она встала, подняла стульчик и пошла в другую горницу. Там стояли три кровати: одна большая – Михайлы Иванычева, другая средняя – Настасьи Петровнина, третья маленькая – Мишенькина. Девочка легла в большую, ей было слишком просторно; легла в среднюю – было слишком высоко; легла в маленькую – кровать пришлось ей как раз впору, и она заснула.

А медведи пришли домой голодные и захотели обедать. Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом:

– Кто хлебал в моей чашке?

Настасья Петровна посмотрела свою чашку и зарычала не так громко:

– Кто хлебал в моей чашке?

А Мишутка увидел свою пустую чашечку и запищал тонким голосом:

– Кто хлебал в моей чашке и всё выхлебал?

Михайло Иваныч взглянул на свой стул и зарычал страшным голосом:

– Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Настасья Петровна взглянула на свой стул и зарычала не так громко:

– Кто сидел на моём стуле и сдвинул его с места?

Мишутка взглянул на свой сломанный стульчик и пропищал:

– Кто сидел на моём стуле и сломал его?

Медведи пришли в другую горницу.

– Кто ложился в мою постель и смял её? – заревел Михайло Иваныч страшным голосом.

– Кто ложился в мою постель и смял её? – зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кровать и запищал тонким голосом:

– Кто ложился в мою постель?

И вдруг он увидел девочку и завизжал так, как будто его режут:

– Вот она! Держи, держи! Вот она! Вот она! Ай-я-яй! Держи!

Он хотел её укусить. Девочка открыла глаза, увидела медведей и бросилась к окну. Окно было открыто, она выскочила в окно и убежала. И медведи не догнали её.

Липунюшка

Жил старик со старухой. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать, а старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

– Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнёс; а теперь с кем я пошлю?

Вдруг из хлопка вылез маленький сыночек и говорит:

– Здравствуй, матушка!..

А старуха и говорит:

– Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?

А сыночек и говорит:

– Ты, матушка, отпряла хлопочек и положила в столбочек, я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке.

Старуха и говорит:

– Ты донесёшь ли, Липунюшка?

– Донесу, матушка...

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узел и побежал в поле.

В поле попалась ему на дороге кочка; он и кричит:

– Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принёс.

Старик услышал с поля, кто-то его зовёт, пошёл к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит:

– Откуда ты, сынок?

А мальчик говорит:

– Я, батюшка, в хлопочке вывелся, – и подал отцу блинов.

Старик сел завтракать, а мальчик говорит:

– Дай, батюшка, я буду пахать.

А старик говорит:

– У тебя силы не достанет пахать.

А Липунюшка взялся за соху и стал пахать. Сам пашет и сам песни поёт.

Ехал мимо этого поля барин и увидал, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет.

Барин вышел из кареты и говорит старику:

– Как это у тебя, старик, лошадь одна пашет?

А старик говорит:

– У меня там мальчик пашет, он и песни поёт.

Барин подошёл ближе, услышал песни и увидел Липунюшку.

Барин и говорит:

– Старик! Продай мне мальчика.

А старик говорит:

– Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть.

А Липунюшка говорит старику:

– Продай, батюшка, я убегу от него.

Мужик и продал мальчика за сто рублей. Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене:

– Я тебе радость привёз.

А жена говорит:

– Покажи, что такое?

Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету. Липунюшка уж давно к отцу убежал.

Повстречал заяц ежа и говорит:

– Всем бы ты хорош, ёж, только ноги у тебя кривые, заплетаются.

Ёж рассердился и говорит:

– Ты что ж смеёшься; мои кривые ноги скорее твоих прямых бегают. Вот дай только схожу домой, а потом давай побегим наперегонку!

Ёж пошёл домой и говорит жене:

– Я с зайцем поспорил: хотим бежать наперегонку!

Ежова жена и говорит:

– Ты, видно, с ума сошёл! Где тебе с зайцем бежать? У него ноги быстрые, а у тебя кривые и тупые.

А ёж говорит:

– У него ноги быстрые, а у меня ум быстрый. Только ты делай, что я велю. Пойдём в поле.

Вот пришли они на вспаханное поле к зайцу; ёж и говорит жене:

– Спрячься ты на этом конце борозды, а мы с зайцем побегим с другого конца; как он разбежится, я вернусь назад; а как прибежит к твоему концу, ты выходи и скажи: «А я уже давно жду». Он тебя от меня не узнает – подумает, что это я.

Ежова жена спряталась в борозде, а ёж с зайцем побежали с другого конца.

Как заяц разбежался, ёж вернулся назад и спрятался в борозду. Заяц прискакал на другой конец борозды: глядь! – а ежова жена уже там сидит. Она увидела зайца и говорит ему:

– А я уже давно жду!

Заяц не узнал ежову жену от ежа и думает: «Что за чудо! Как это он меня обогнал?»

– Ну, – говорит, – давай ещё раз побегим!

– Давай!

Заяц пустился назад, прибежал на другой конец: глядь! – а ёж уже там, да и говорит:

– Э, брат, ты только теперь, а я уже давно тут.

«Что за чудо! – думает заяц, – уж как я шибко скакал, а всё он обогнал меня».

– Ну, так побежим ещё раз, теперь уж не обгонишь.

– Побежим!

Поскакал заяц, что было духу: глядь! – ёж впереди сидит и дожидается.

И так заяц до тех пор скакал из конца в конец, что из сил выбился.

Заяц покорился и сказал, что вперёд никогда не будет спорить.

Волк и старуха

Голодный волк разыскивал добычу. На краю деревни он услышал – в избе плачет мальчик, и старуха говорит:

– Не перестанешь плакать, я тебя волку отдам.

Волк не пошёл дальше и стал дожидаться, когда ему отдадут мальчика.

Вот пришла ночь; он всё ждёт и слышит – старуха опять приговаривает:

– Не плачь, дитячко, не отдам тебя волку. Только приди волк, убьём его.

Волк подумал: «Видно, тут говорят одно, а делают другое», – и пошёл прочь от деревни.

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел её съесть.

Белка стала просить:

– Пусти меня.

Волк сказал:

– Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

– Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк пустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

– Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжёт. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

Как мужик лошадь переупрямил

Мужику с возом надо было ехать через реку. Через реку ходил паром. Мужик отпрёг лошадь и свёз телегу на паром; но лошадь была упряма и не хотела идти на паром. Мужик тащил её из всех сил за повод и не мог ввести на паром. Потом он стал толкать её сзади, но не мог ссунуть с берега. Тогда он вздумал тащить её за хвост прочь от воды. Лошадь была упряма и пошла не туда, куда её тащили, и вошла на паром.

Телёнок скакал по закуте и выучился делать круги и повороты. Когда пришла зима, телёнка выпустили с другою скотиною на лёд к водопою. Все коровы осторожно подошли к корыту, а телёнок разбежался на лёд, загнул хвост, приложил уши и стал кружиться. На первом же кругу нога его раскатилась, и он ударился головою о корыто.

Он заревел:

– Несчастный я! По колено в соломе скакал – не падал, а тут на гладком поскользнулся.

Старая корова сказала:

– Кабы ты был не телёнок, ты бы знал, что, где легче скакать, там труднее держаться.

Царь и избушка

Один царь строил себе дворец и перед дворцом сделал сад. Но на самом въезде в сад стояла избушка, и жил бедный мужик. Царь хотел эту избушку снести, чтобы она сад не портила, и послал своего министра к бедному мужику, чтобы купил избушку.

Министр пошёл к мужику и сказал:

– Ты счастлив. Царь хочет твою избушку купить. Она десяти рублей не стоит, а царь тебе сто даёт.

Мужик сказал:

– Нет, я избушку за сто рублей не продам.

Министр сказал:

– Ну так царь двести даёт.

Мужик сказал:

– Ни за двести, ни за тысячу не отдам. Мой дед и отец в избушке этой жили и померли, и я в ней стар стал и умру, Бог даст.

Министр пошёл к царю и сказал:

– Мужик упрям, ничего не берёт. Не давай же, царь, мужику ничего, а вели снести избушку даром. Вот и всё.

Царь сказал:

– Нет, я этого не хочу.

Тогда министр сказал:

– Как же быть? Разве можно против дворца гнилой избушке стоять? Всякий взглянет на дворец, скажет: «Хорош бы дворец, да избушка портит. Видно, – скажет, – у царя денег не было избушку купить».

А царь сказал:

– Нет, кто взглянет на дворец, тот скажет: «Видно, у царя денег много было, что такой дворец сделал»; а взглянет на избушку, скажет: «Видно, в царя этом и правда была». Оставь

избушку.

Мужик и огурцы

Пошёл раз мужик к огороднику огурцы воровать. Подполз он к огурцам и думает:

«Вот дай унесу мешок огурцов, продам; на эти деньги курочку куплю. Нанесёт мне курица яиц, сядет наседочкой, выведет много цыплят. Выкормлю я цыплят, продам, куплю поросёночка – свинку; напоросит мне свинка поросят. Продам поросят, куплю кобылку; ожеребит мне кобылка жеребят. Выкормлю жеребят, продам; куплю дом и заведу огород. Заведу огород, насажу огурцов, воровать не дам, караул буду крепкий держать. Найму караульчиков, посажу на огурцы, а сам так-то пойду сторонкой да крикну: «Эй вы, караульте крепче!»

Мужик так задумался, что и забыл совсем, что он на чужом огороде, и закричал во всю глотку.

Караульчики услышали, выскочили, избили мужика.

У одного человека был большой дом, а в доме была большая печь; а семья у этого человека была небольшая: только сам да жена.

Когда пришла зима, стал человек топить печь и сжёг в один месяц все свои дрова. Нечем стало топить, а холодно.

Тогда человек стал ломать двор и топить лесом из разломанного двора. Когда он сжёг весь двор, в доме без защиты стало ещё холоднее, а топить нечем. Тогда он влез, разломал крышу и стал топить крышей; в доме стало ещё холоднее, а дров нету. Тогда человек стал разбирать потолок из дома, чтобы топить им.

Сосед увидал, как он потолок разворачивает, и говорит ему:

– Что ты, сосед, или с ума сошёл? Зимой потолок раскрываешь! Ты и себя и жену заморозишь!

А человек говорит:

– Нет, брат, я ведь затем и потолок поднимаю, чтобы мне печку топить. У нас печь такая, что чем больше топлю, тем холоднее становится.

Сосед засмеялся и говорит:

– Ну, а как потолок сожжёшь, тогда дом разбирать будешь? Жить негде будет, останется одна печь, да и та остынет.

– Такое моё несчастье, – сказал человек. – У всех соседей дров на всю зиму хватило, а я двор и половину дома сжег – и то не достало.

Сосед сказал:

– Тебе надо только печку переделать.

А человек сказал:

– Знаю я, что ты моему дому и моей печке завидуешь за то, что она больше твоей, затем и не велишь ломать, – и не послушался соседа и сжёг потолок, и сжёг дом и пошёл жить к чужим

Бестолковый мужик

Был один глупый мужик. Он пошёл в лес за дровами. Деревя все были велики. Он стал срубить ветки. Один сук на дубу был высоко. Мужик влез на дуб, сел верхом на сук спиной к дереву и срубил сук. Другой сук был ещё выше. Мужик влез на сук и, чтобы короче срубить, сел на него лицом к дереву. Он рубил немного, и стал сук трещать; мужик был рад и сказал:

– Вперёд всё так буду рубить.

Но сук сломался, и мужик сорвался.

Как дурак кисель резал

Был у дурака нож очень хорош. Стал дурак этим ножом гвоздь резать. Нож гвоздя не резал. Тогда дурак сказал:

– Дурён мой нож.

И стал этим ножом жидкий кисель резать: где пройдёт по киселю ножом, там кисель опять съедется. Дурак сказал:

– Дурён нож, и киселя не режет, – и бросил хороший нож.

Три вора

Один мужик вёл в город продавать осла и козу.

На козе был бубенчик.

Три вора увидели мужика, и один сказал:

– Я украду козу, так что мужик и не заметит.

Другой вор сказал:

– А я из рук у мужика украду осла.

Третий сказал:

– И это не трудно, а я так всё платье с мужика украду.

Первый вор подкрался к козе, снял с неё бубенчик и привесил к хвосту осла, а козу увёл в поле.

Мужик на повороте оглянулся, увидел, что козы нет, стал искать.

Тогда к нему подошёл второй вор и спросил, чего он ищет.

Мужик сказал, что у него украли козу.

Второй вор сказал:

– Я видел твою козу: вот сейчас только в этот лес пробежал человек с козой. Его можно поймать.

Мужик побежал догонять козу и попросил вора подержать осла. Второй вор увёл осла.

Когда мужик вернулся из лесу и увидал, что и осла его нет, он заплакал и пошёл по дороге.

На дороге, у пруда, увидал он – сидит человек и плачет. Мужик спросил, что с ним?

Человек сказал, что ему велели отнести в город мешок с золотом и что он сел отдохнуть у пруда, заснул и во сне столкнул мешок в воду.

Мужик спросил, отчего он не лезет доставать его?

Человек сказал:

– Я боюсь воды и не умею плавать, но я дам двадцать золотых тому, кто достанет мешок.

Мужик обрадовался и подумал: «Мне Бог дал счастье за то, что у меня украли козу и осла».

Он разделся, полез в воду, но мешка с золотом не нашёл; а когда он вылез из воды, его платье уже не было.

Это был третий вор: он украл и платье.

Как мужик гусей делил

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понёс.

Барин принял гуся и говорит мужику:

– Спасибо, мужик, тебе за гуся, только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына и две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

– Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

– Ты всему дому голова, тебе голову.

Потом отрезал задок, подаёт барыне:

– Тебе, – говорит, – дома сидеть, за домом смотреть, тебе задок.

Потом отрезал лапки и подаёт сыновьям:

– Вам, – говорит, – ножки – топтать отцовские дорожки.

А дочерям дал крылья:

– Вы, – говорит, – скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму! –

И взял себе всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся награбил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понёс к барину.

Барин говорит:

– Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочери, всех шестеро, – как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить.

Бедный мужик взял одного гуся – дал барину с барыней и говорит:

– Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

– И вас, – говорит, – трое.

Одного дал дочерям:

– И вас трое.

А себе взял двух гусей:

– Вот, – говорит, – и нас трое с гусями, – всё поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику ещё денег и хлеба, а богатого прогнал.

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла с подругами купаться. Девочки сняли рубашки, положили на берег и попрыгали в воду.

Из воды выполз большой уж и, свернувшись, лёг на Машину рубашку. Девочки вылезли из воды, надели свои рубашки и побежали домой. Когда Маша подошла к своей рубашке и увидела, что на ней лежит ужак, она взяла палку и хотела согнать его; но уж поднял голову и засипел человеческим голосом:

– Маша, Маша, обещаю за меня замуж.

Маша заплакала и сказала:

– Только отдай мне рубашку, а я всё сделаю.

– Пойдёшь ли замуж?

Маша сказала:

– Пойду.

И уж сполз с рубашки и ушёл в воду.

Маша надела рубашку и побежала домой. Дома она сказала матери:

– Матушка, ужак лёг на мою рубашку и сказал: «Иди за меня замуж, а то не отдам рубашки». Я ему обещала.

Мать посмеялась и сказала:

– Это тебе приснилось.

Через неделю целое стадо ужей приползло к Машиному дому.

Маша увидела ужей, испугалась и сказала:

– Матушка, за мной ужи приползли.

Мать не поверила, но как увидела, сама испугалась и заперла сени и дверь в избу.

Ужи проползли под ворота и вползли в сени, но не могли пройти в избу. Тогда они выползли назад, все вместе свернулись клубком и бросились в окно. Они разбили стекло, упали на пол в избу и поползли по лавкам, столам и на печку.

Маша забилась в угол на печи, но ужи нашли её, стащили оттуда и повели к воде.

Мать плакала и бежала за ними, но не догнала. Ужи вместе с Машей бросились в воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла.

Один раз мать сидела у окна и смотрела на улицу. Вдруг она увидела, что к ней идёт её Маша и ведёт за руку маленького мальчика, а на руках несёт девочку.

Мать обрадовалась и стала целовать Машу и спрашивать её, где она была и чьи это дети. Маша сказала, что это её дети, что уж взял её замуж и что она живёт с ним в водяном царстве.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить в водяном царстве, и дочь сказала, что лучше, чем на земле.

Мать просила Машу, чтобы она осталась с нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обещала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

– А как же ты домой пойдёшь?

– Пойду, покличу: «Осип, Осип, выйди сюда и возьми меня», он и выйдет на берег и возьмёт меня.

Мать сказала тогда Маше:

– Ну, хорошо, только переночуй у меня.

Маша легла и заснула, а мать взяла топор и пошла к воде.

Она пришла к воде и стала звать:

– Осип, Осип, выйди сюда.

Уж выплыл на берег. Тогда мать ударила его топором и отрубила ему голову. Вода сделалась красною от крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говорит:

– Я пойду домой, матушка; мне скучно стало, – и она пошла.

Маша взяла девочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда они пришли к воде, она стала кликать:

– Осип, Осип, выйди ко мне.

Но никто не выходил. Тогда она посмотрела на воду и увидела, что вода красная и ужовая голова плавает по ней. Тогда Маша поцеловала дочь и сына и сказала им:

– Нет у вас батюшки, не будет у вас и матушки. Ты, дочка, будь птичкой ласточкой, летай над водой; ты, сынок, будь соловейчиком, распевай по зорям; а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу.

И они все разлетелись в разные стороны.

У одного купца было два сына. Старший был любимец отца, и отец всё своё наследство хотел отдать ему. Мать жалела меньшого сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьям, как их разделят: она хотела как-нибудь сравнять двух сыновей. Купец её послушал и не объявлял своего решения.

Один раз мать сидела у окна и плакала; к окну подошёл странник и спросил, о чём она плачет.

Она сказала:

– Как мне не плакать: оба сына мне равны, а отец хочет одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего решения сыновьям, пока я не придумаю, как помочь меньшому. Но денег у меня своих нет, и я не знаю, как помочь горю.

Странник сказал:

– Твоему горю легко помочь; поди объяви сыновьям, что старшему достанется всё богатство, а меньшому ничего; и у них будет поровну.

Меньшой сын, как узнал, что у него ничего не будет, ушёл в чужие страны и выучился мастерствам и наукам, а старший жил при отце и ничему не учился, потому что знал, что будет богат.

Когда отец умер, старший ничего не умел делать, прожил всё своё имение, а младший выучился наживать на чужой стороне и стал богат.

Царь и рубашка

Один царь был болен и сказал:

– Половину царства отдам тому, кто меня вылечит.

Тогда собрались все мудрецы и стали судить, как царя вылечить. Никто не знал. Один только мудрец сказал, что царя можно вылечить. Он сказал:

– Если найти счастливого человека, снять с него рубашку и надеть на царя – царь выздоровеет.

Царь и послал искать по своему царству счастливого человека; но послы царя долго ездили по всему царству и не могли найти счастливого человека. Не было ни одного такого, чтобы всем был доволен. Кто богат, да хворает; кто здоров, да беден; кто и здоров и богат, да жена не хороша, а у кого дети не хороши; все на что-нибудь да жалуются.

Один раз идёт поздно вечером царский сын мимо избушки, и слышно ему – кто-то говорит:

– Вот, слава богу, наработался, наелся и спать лягу; чего мне ещё нужно?

Царский сын обрадовался, велел снять с этого человека рубашку, а ему дать за это денег, сколько он захочет, а рубашку отнести к царю.

Посланные пришли к счастливому человеку и хотели с него снять рубашку; но счастливый был так беден, что на нём не было и рубашки.

Праведный судья

Один алжирский царь Бауакас захотел сам узнать, правду ли ему говорили, что в одном из его городов есть праведный судья, что он сразу узнаёт правду и что от него ни один плут не может укрыться. Бауакас переоделся в купца и поехал верхом на лошади в тот город, где жил судья. У въезда в город к Бауакасу подошёл калека и стал просить милостыню. Бауакас подал ему и хотел ехать дальше, но калека уцепился ему за платье.

– Что тебе нужно? – спросил Бауакас. – Разве я не дал тебе милостыню?

– Милостыню ты дал, – сказал калека, – но ещё сделай милость – довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды как бы не раздавили меня.

Бауакас посадил калеку сзади себя и довёз его до площади. На площади Бауакас остановил лошадь. Но нищий не слезал.

Бауакас сказал:

– Что ж сидишь, слезай, мы приехали.

А нищий сказал:

– Зачем слезать, – лошадь моя; а не хочешь добром отдать лошадь, пойдём к судье.

Народ собрался вокруг них и слушал, как они спорили; все закричали:

– Ступайте к судье, он вас рассудит.

Бауакас с калекой пошли к судье. В суде был народ, и судья вызывал по очереди тех, кого судил. Прежде чем черёд дошёл до Бауакаса, судья вызвал учёного и мужика: они судились за жену. Мужик говорил, что это его жена, а учёный говорил, что его жена. Судья выслушал их, помолчал и сказал:

– Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра.

Когда эти ушли, вошли мясник и масленик. Мясник был весь в крови, а масленик в масле. Мясник держал в руке деньги, масленик – руку мясника.

Мясник сказал:

– Я купил у этого человека масло и вынул кошелёк, чтобы расплатиться, а он схватил меня за руку и хотел отнять деньги. Так мы и пришли к тебе, – я держу в руке кошелёк, а он держит меня за руку. Но деньги мои, а он – вор.

А масленик сказал:

– Это неправда. Мясник пришёл ко мне покупать масло. Когда я налил ему полный кувшин, он просил меня разменять ему золотой. Я достал деньги и положил их на лавку, а он взял их и хотел бежать. Я поймал его за руку и привёл сюда.

Судья помолчал и сказал:

– Оставьте деньги здесь и приходите завтра.

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калеки, Бауакас рассказал, как было дело. Судья выслушал его и спросил нищего.

Нищий сказал:

– Это всё неправда. Я ехал верхом через город, а он сидел на земле и просил меня подвезти его. Я посадил его на лошадь и довёз, куда ему нужно было; но он не хотел слезать и сказал, что лошадь его. Это неправда.

Судья подумал и сказал:

– Оставьте лошадь у меня и приходите завтра.

На другой день собралось много народа слушать, как рассудит судья.

Первые подошли учёный и мужик.

– Возьми свою жену, – сказал судья учёному, – а мужику дать пятьдесят палок.

Учёный взял свою жену, а мужика тут же наказали.

Потом судья вызвал мясника.

– Деньги твои, – сказал он мяснику; потом он указал на масленика и сказал: – А ему дать пятьдесят палок.

Тогда позвали Бауакаса и калеку.

– Узнаешь ты свою лошадь из двадцати других? – спросил судья Бауакаса.

– Узнаю.

– А ты?

– И я узнаю, – сказал калека.

– Иди за мною, – сказал судья Бауакасу.

Они пошли в конюшню. Бауакас сейчас же промеж других двадцати лошадей показал на свою.

Потом судья вызвал калеку в конюшню и тоже велел ему указать на лошадь. Калека признал лошадь и показал её.

Тогда судья сел на своё место и сказал Бауакасу:

– Лошадь твоя; возьми её. А калеке дать пятьдесят палок.

После суда судья пошёл домой, а Бауакас пошёл за ним.

– Что же ты, или недоволен моим решением? – спросил судья.

– Нет, я доволен, – сказал Бауакас. – Только хотелось бы мне знать, почему ты узнал, что жена была учёного, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не маслениковы и что лошадь была моя, а не нищего?

– Про женщину я узнал вот как: позвал её утром к себе и сказал ей: «Налей чернил в мою чернильницу». Она взяла чернильницу, вымыла её скоро и ловко и налила чернил. Стало быть, она привыкла это делать. Будь она жена мужика, она не сумела бы этого сделать. Выходит, что учёный был прав. Про деньги я узнал вот как: положил я деньги в чашку с водой и сегодня утром посмотрел – всплыло ли на воде масло. Если бы деньги были маслениковы, то они были бы запачканы его маслеными руками. На воде масла не было, стало быть, мясник говорит правду. Про лошадь узнать было труднее. Калека так же, как и ты, из двадцати лошадей сейчас же указал на лошадь. Да я не для того приводил вас обоих в конюшню, чтобы видеть, узнаете ли вы лошадь, а для того, чтобы видеть – кого из вас двоих узнает лошадь. Когда ты подошёл к ней, она обернула голову, потянулась к тебе; а когда калека тронул её, она прижала уши и подняла ногу. По этому я узнал, что ты настоящий хозяин лошади.

Тогда Бауакас сказал:

– Я не купец, а царь Бауакас. Я приехал сюда, чтобы видеть, правда ли то, что говорят про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья.

Два брата пошли вместе путешествовать. В полдень они легли отдохнуть в лесу. Когда они проснулись, то они увидели – подле них лежит камень и на камне что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

«Кто найдёт этот камень, тот пускай идёт прямо в лес на восход солнца. В лесу придёт река: пускай плывёт через эту реку на другую сторону. Увидишь медведицу с медвежатами: отними медвежат у медведицы и беги без оглядки прямо в гору. На горе увидишь дом, и в доме том найдёшь счастье».

Братья прочли, что было написано, и меньшой сказал:

– Давай пойдём вместе. Может быть, мы переплывём эту реку, донесём медвежат до дому и вместе найдём счастье.

Тогда старший сказал:

– Я не пойду в лес за медвежатами и тебе не советую. Первое дело: никто не знает – правда ли написана на этом камне; может быть, всё это написано на смех. Да, может быть, мы и не так разобрали. Второе: если и правда написана, – пойдём мы в лес, придёт ночь, мы не попадём на реку и заблудимся. Да если и най – дём реку, как мы переплывём её? Может быть, она быстра и широка? Третье: если и переплывём реку, – разве лёгкое дело отнять у медведицы медвежат? Она нас задерёт, и мы вместо счастья пропадём ни за что. Четвёртое дело: если нам и удастся унести медвежат, – мы не добежим без отдыха в гору. Главное же дело, не сказано: *какое счастье мы найдём в этом доме? Может быть, нас там ждёт такое счастье, какого нам вовсе не нужно.*

А младший сказал:

– По-моему, не так. Напрасно этого писать на камне не стали бы. И всё написано ясно. Первое дело: нам беды не будет, если и попытаемся. Второе дело: если мы не пойдём, кто-нибудь другой прочтёт надпись на камне и найдёт счастье, а мы останемся ни при чём. Третье дело: не потрудиться да не поработать, ничто в свете не радует. Четвёртое: не хочу я, чтоб подумали, что я чего-нибудь да побоялся.

Тогда старший сказал:

– И пословица говорит: *«Искать большого счастья – малое потерять»*; да ещё: *«Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки»*.

А меньшой сказал:

– А я слышал: *«Волков бояться, в лес не ходить»*; да ещё: *«Под лежащий камень вода не потечёт»*. По мне, надо идти.

Меньшой брат пошёл, а старший остался.

Как только меньшой брат вошёл в лес, он напал на реку, переплыл её и тут же на берегу увидел медведицу. Она спала. Он ухватил медвежат и побежал без оглядки на гору. Только что добежал до верху – выходит ему навстречу народ, подвезли ему карету, повезли в город и сделали царём.

Он царствовал пять лет. На шестой год пришёл на него войной другой царь, сильнее его; завоевал город и прогнал его. Тогда меньшой брат пошёл опять странствовать и пришёл к старшему брату.

Старший брат жил в деревне ни богато, ни бедно. Братья обрадовались друг другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старший брат и говорит:

– Вот и вышла моя правда: я всё время жил тихо и хорошо, а ты хошь и был царём, зато много горя видел.

А меньшой сказал:

– Я не тужу, что пошёл тогда в лес на гору; хоть мне и плохо теперь, зато есть чем помянуть мою жизнь, а тебе и помянуть-то нечем.

Как дядя Семён рассказывал про то, что с ним в лесу было

Поехал я раз зимою в лес за деревьями. Срубил три дерева, обрубил сучья, обтесал, смотрю – уж поздно, надо домой ехать. А погода была дурная: снег шёл, и мело. Думаю: «Ночь захватит, и дороги не найдёшь». Погнал я лошадь. Еду, еду – всё выезду нет. Всё лес. Думаю: «Шуба на мне плохая, замёрзнешь». Ездил, ездил – нет дороги, и темно. Хотел уж сани отпрягать да под сани ложиться, слышу – недалеко бубенцы погромыхивают. Поехал я на бубенчики, вижу – тройка коней саврасых, гривы заплетены лентами, бубенцы светятся, и сидят двое молодцов.

– Здорово, братцы!

– Здорово, мужик!

– Где, братцы, дорога?

– Да вот мы на самой дороге.

Выехал я к ним, смотрю: что за чудо – дорога гладкая и не заметённая.

– Ступай, – говорят, – за нами, – и погнали коней.

Моя кобылка плохая, не поспеваает. Стал я кричать:

– Подождите, братцы!

Остановились, смеются.

– Садись, – говорят, – с нами. Твоей лошади порожнём легче будет.

– Спасибо, – говорю.

Перелез я к ним в сани. Сани хорошие, ковровые. Только сел я, как свистнут:

– Ну, вы, любезные!

Завились саврасые кони так, что снег столбом. Смотрю: что за чудо? Светлей стало, и дорога гладкая, как лёд, и палим мы так, что дух захватывает, только по лицу ветками стегает. Уж мне жутко стало. Смотрю вперёд: гора крутая-прекрутая, и под горой пропасть. Саврасые прямо в пропасть летят. Испугался я, кричу:

– Батюшки! Легче, убьёте!

Куда тут, только смеются, свищут. Вижу я – пропадать. Над самой пропастью сани. Гляжу, у меня над головой сук. «Ну, – думаю, – пропадайте одни». Приподнялся, схватился за сук и повис. Только повис и кричу:

– Держи!

А сам слышу тоже – кричат бабы:

– Дядя Семён! Чего ты? Бабы, а бабы! Дуйте огонь. С дядей Семёном что-то недоброе, – кричат.

Вздули огонь. Очнулся я. А я в избе, за полати ухватился руками, вишу и кричу непутёвым голосом. А это я – всё во сне видел.

Кто прав?

Один человек сказал, что он хочет так жить, чтобы враги боялись его.
А другой сказал, что лучше так жить, чтобы враги боялись, а друзья бы любили.
А третий сказал:
– Лучше так жить, чтобы не было врагов, а чтобы все были друзья.

Один мужик выучился мельничному мастерству и стал делать мельницы водяные, ветряные и конные.

Потом он задумал сделать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни ветра, ни лошадей; он хотел сделать так, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертел колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался – так, чтобы мельница ходила сама.

Мужик пошёл к барину и сказал:

– Я придумал такую мельницу-самокрутку, что сама будет ходить, без воды и без лошадей; только раз завести, – она и будет ходить до тех пор, пока остановишь. Нет только у меня денег на лес да на чугун. Дай мне, барин, триста рублей денег, я тебе первому сделаю такую мельницу.

Барин спросил у мужика – знает ли он грамоте.

Мужик сказал, что не знает.

Тогда барин сказал:

– Вот если бы ты знал грамоте, я бы тебе книжку дал о механике, и там ты бы прочёл о такой мельнице и увидел бы, что такой мельницы сделать нельзя, что много людей учёных походили с ума – всё выдумывали такую мельницу, чтобы сама ходила.

Мужик не поверил барину и сказал:

– В книгах ваших много дурно пишут. Так-то учёный машинист построил *крупорушку* купцу в городе, да только испортил; а я хоть неграмотный, да как взглянул, так увидел и переладил рушку – стала работать.

Барин сказал:

– Чем же ты подымеешь свой камень, когда он спустится?

Мужик сказал:

– Сам по колесу поднимется.

Барин сказал:

– Поднимется, да ниже, а другой раз поднимется ещё ниже и станет, какие ты колёса ни прилаживай. Всё равно, как если на салазках с большой горы съедешь – на маленькую поднимешься, а с маленькой назад на большую никак не поднимешься.

Мужик не поверил, а пошёл к купцу и обещал ему сделать мельницу без воды и лошадей.

Купец дал денег. Мужик строил, строил, простроил все триста рублей, а мельница не ходит.

Тогда мужик стал своё имение продавать и всё простроил.

А купец говорит:

– Давай мне мельницу, чтобы сама ходила, без лошадей, или деньги давай назад.

Пришёл мужик к барину и рассказал о своём горе.

Барин дал ему денег и говорит:

– Оставайся у меня работать: строй ты мне мельницы, только водяные да конные – на это ты мастер, а вперёд за то не берись, чего и поумнее тебя люди не сделали.

Три калача и одна баранка

Одному мужику захотелось есть. Он купил калач и съел;
ему всё ещё хотелось есть. Он купил другой калач и съел;
ему всё ещё хотелось есть. Он купил третий калач и съел,
и ему всё ещё хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда
съел одну, стал сыт. Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

– Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей? Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

Как вор сам себя выдал

Один вор залез ночью к купцу на чердак. Он отобрал шубы, полотна и хотел слезать, да споткнулся на перемёт и загремел. Купец услышал, что что-то зашумело над головой, разбудил работника и пошёл со свечой на чердак. Работник разоспался и говорит купцу:

– Что смотреть, никого нет, нешто кошка?

Но купец всё-таки пошёл на чердак.

Как только вор услышал, что идёт кто-то, он положил шубы и полотна на прежнее место и стал искать места, куда бы спрятаться. Увидал он: большая куча чего-то. А это была куча табаку листового. Вор раскопал табак, влез в середину и прикрылся табаком. И слышит вор, что вошли двое – входят и говорят.

Купец говорит:

– Я слышал, что-то тяжёлое загремело.

А работник говорит:

– Чему греметь, либо кошка, либо домовой.

Купец прошёл мимо табаку, ничего не заметил и говорит:

– И то, видно, показалось: никого нет; ну, пойдём.

И слышит вор, что они уходят, и думает: «Теперь всё опять соберу и вылезу в окно». Только вдруг чувствует вор, что ему в носу защекотало от табаку и чихнуть хочется. Зажал он рот рукой, ещё больше щекочет, и не может держаться, чтобы не чихнуть.

Купец с работником уже стали выходить. Слышат – в углу кто-то чихает. «Чих! Чих! А чих!» Вернулись и поймали вора.

Один мужик занялся торговлей и так разбогател, что стал первым богачом. У него служили сотни приказчиков, и он их всех и по имени не знал.

Пропало раз у купца двадцать тысяч денег. Стали старшие приказчики разыскивать и разыскали того, кто украл деньги.

Пришёл старший приказчик к купцу и говорит:

– Я вора нашёл. Надо его в Сибирь сослать.

Купец говорит:

– А кто украл?

Старший приказчик говорит:

– Иван Петров, сам признался.

Купец подумал и говорит:

– Ивана Петрова надо простить.

Приказчик удивился и говорит:

– Как же простить? Этак и те приказчики то же будут делать: всё добро растаскают.

Купец говорит:

– Ивана Петрова надо простить: когда я начинал торговать, мы с ним товарищами были. Когда я женился, мне под венец надеть нечего было. Он мне свою жилетку дал надеть. Ивана Петрова надо простить.

Так и простили Ивана Петрова.

Старик сажал яблони.

Ему сказали:

– Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка.

Старик сказал:

– Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут.

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было – она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

– Так не уйдёшь же ты от меня! – закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха.

На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись *задней рукой* за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выдвельвали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться – и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладки и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал:

– В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!

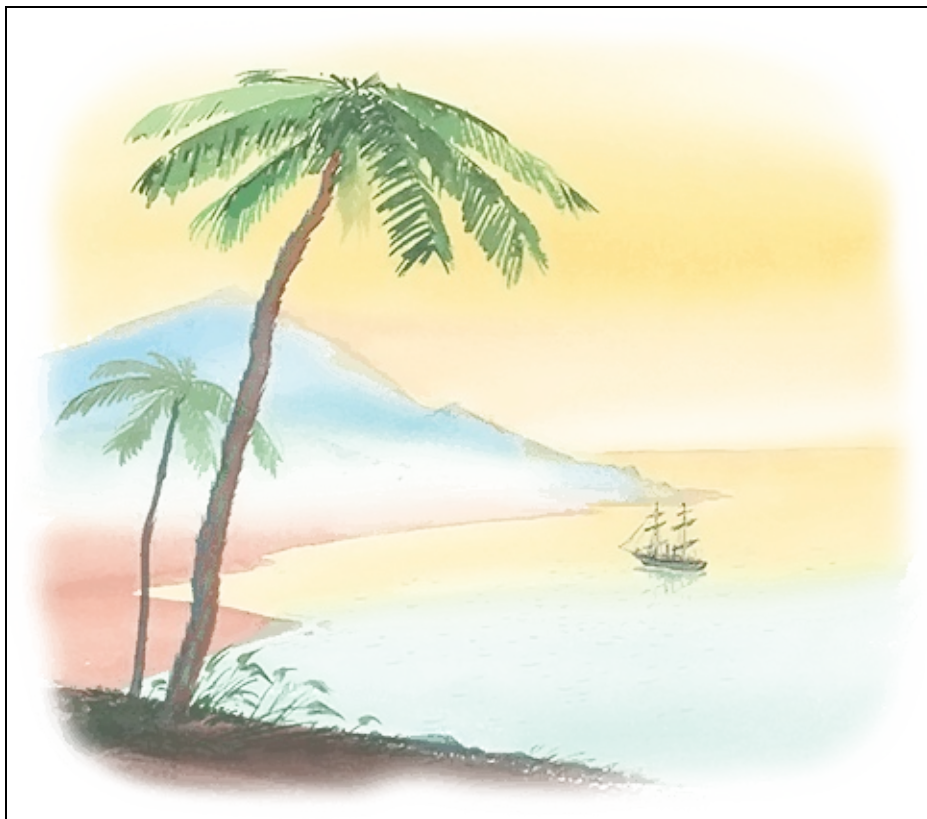
Мальчик шатался, но не понимал.

– Прыгай или застрелю!.. Раз, два... – И как только отец крикнул: – Три! – мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов-матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок – они долги показались всем – вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул:

– Купаться!

И в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и что было силы поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему:

– Не выдавай! Понатужься!

Вдруг с палубы кто-то крикнул:

– Акула!

И все мы увидали в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

– Назад! Назад! Вернитесь! Акула! – закричал артиллерист.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали ещё веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь, смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в неё и, сгибая весла, понеслись что было силы к мальчикам; но они были ещё далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из

них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилёг к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидели, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застал нам глаза.

Но когда дым разошёлся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и, наконец, со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось жёлтое брюхо мёртвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

Стрекоза и муравьи

Осенью у муравьёв подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали:

– Что ж ты летом не собрала корму?

Она сказала:

– Недосуг было: песни пела.

Они засмеялись и говорят:

– Если летом играла, зимой пляши.

Работницы и петух

Хозяйка по ночам будила работниц и, как запюют петухи, сажала за дело. Работницам тяжело показалось, и они вздумали убить петуха, чтобы не будил хозяйки.

Убили – им стало хуже: хозяйка боялась проспать и ещё раньше стала поднимать работниц.

Собака и её тень

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несёт, – она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки; того мяса вовсе не было, а своё волною унесло.

И осталась собака ни при чём.

Осёл в львиной шкуре

Осёл надел львиную шкуру, и все думали – лев. Побежал народ и скотина. Подул ветер, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбежался народ – исколотили осла.

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

– Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось – и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать:

– Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, – не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Старик и смерть

Старик раз нарубил дров и понёс. Нести было далеко; он измучился, сложил вязанку и говорит:

– Эх, хоть бы смерть пришла!

Смерть пришла и говорит:

– Вот и я, чего тебе надо?

Старик испугался и говорит:

– Мне вязанку поднять.

Заяц и гончая собака

Заяц сказал раз гончей собаке:

– Для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорее поймала нас, если бы бежала молча. А с лаем ты только нагоняешь нас на охотника: ему слышно, где мы бежим, и он забегает с ружьём нам навстречу, убивает нас и ничего не даёт тебе.

Собака сказала:

– Я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запах, то и сержусь, и радуюсь, что я вот сейчас поймаю тебя; и сама не знаю зачем, но не могу удержаться от лая.

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал её. Мышь стала просить, чтобы он пустил её; она сказала:

– Если ты меняпустишь, и я тебе добро сделаю.

Лев засмеялся, что мышь обещает ему добро сделать, и пустил её.

Потом охотники поймали льва и привязали верёвкой к дереву. Мышь услышала львиный рёв, прибежала, перегрызла верёвку и сказала:

– Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы я могла тебе добро сделать, а теперь видишь – бывает и от мыши добро.

Царь и сокол

Один царь на охоте пустил за зайцем любимого сокола и поскакал.

Сокол поймал зайца. Царь отнял зайца и стал искать воды, где бы напиться. В бугре царь нашёл воду. Только она по капле капала. Вот царь достал чашу с седла и поставил под воду. Вода текла по капле, и когда чаша набралась полная, царь поднял её ко рту и хотел пить. Вдруг сокол встрепенулся на руке у царя, забил крыльями и выплеснул воду.

Царь опять поставил чашу. Он долго ждал, пока она наберется вровень с краями, и опять, когда он стал подносить её ко рту, сокол затрепыхался и разлил воду.

Когда в третий раз царь набрал полную чашу и стал подносить её к губам, сокол опять разлил её. Царь рассердился и, со всего размаха ударив сокола об камень, убил его. Тут подъехали царские слуги, и один из них побежал вверх к роднику, чтобы найти побольше воды и скорее набрать полную чашу. Только и слуга не принёс воды; он вернулся с пустой чашкой и сказал:

– Ту воду нельзя пить: в роднике змея, и она выпустила свой яд в воду. Хорошо, что сокол разлил воду. Если бы ты выпил этой воды, ты бы умер.

Царь сказал:

– Дурно же я отплатил соколу: он спас мне жизнь, а я убил его.

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

– Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать.

Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

– Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да всё врозь – вас всякий легко погубит.

У одного отца было два сына. Он сказал им:

– Умру – разделите всё пополам.

Когда отец умер, сыновья не могли разделиться без спора. Они пошли судиться к соседу.

Сосед спросил у них:

– Как вам отец велел делиться?

Они сказали:

– Он велел делить всё пополам.

Сосед сказал:

– Так разорвите пополам все платья, разбейте пополам всю посуду и пополам разрежьте всю скотину.

Братья послушали соседа, и у них ничего не осталось.

Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

– И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем... Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться.

Лягушки услышали зайцев и забултыхали в воду.

Один заяц и говорит:

– Стойте, ребята! Подождём топиться; вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся.

Волк съел овцу. Мужики поймали волка и стали его бить.

Волк сказал:

– За то вы меня мучите, что я сер.

Мужики сказали:

– Не за то, что ты сер, а за то, что ты овцу съел.

Один человек заказал пряхе тонкие нитки. Пряха спряла тонкие нитки, но человек сказал:

– Нитки не хороши, мне нужны нитки самые тонкие.

Пряха сказала:

– Если тебе эти не тонки, так вот тебе другие, – и она показала на пустое место.

Он сказал, что не видит.

Пряха сказала:

– Оттого и не видишь, что очень тонки; я и сама не вижу.

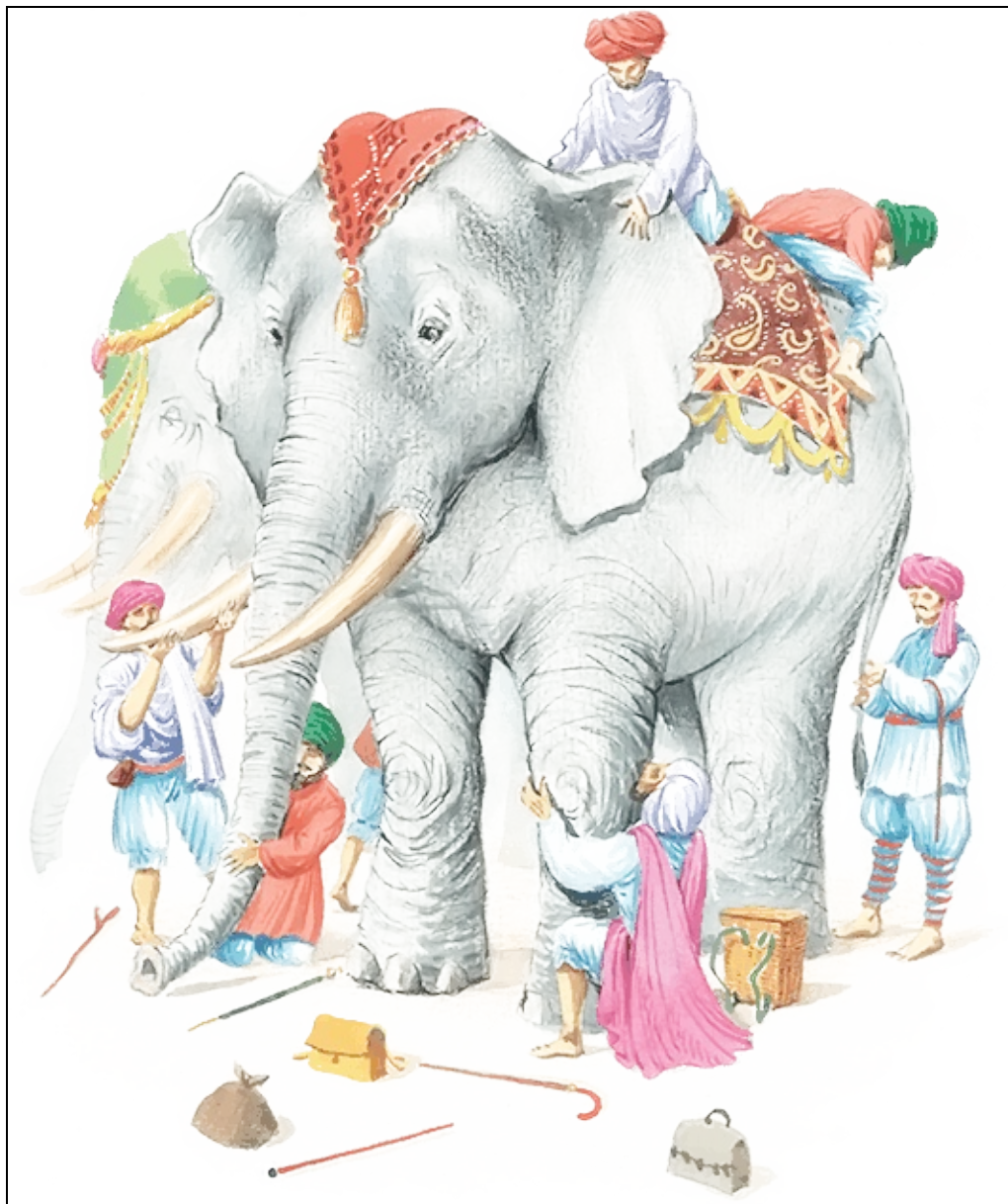
Дурак обрадовался и заказал себе ещё таких ниток, а за эти заплатил деньги.

Поехал мужик в город за овсом для лошади. Только что выехал из деревни, лошадь стала заворачивать назад к дому. Мужик ударил лошадь кнутом. Она пошла и думает про мужика: «Куда он, дурак, меня гонит; лучше бы домой».

Не доезжая до города, мужик видит, что лошади тяжело по грязи, своротил на мостовую, а лошадь воротит прочь от мостовой. Мужик ударил кнутом и дёрнул лошадь; она пошла на мостовую и думает: «Зачем он меня повернул на мостовую, только копыта обломаешь. Тут под ногами жёстко».

Мужик подъехал к лавке, купил овса и поехал домой. Когда приехал домой, дал лошади овса. Лошадь стала есть и думает: «Какие люди глупые! Только любят над нами умничать, а ума у них меньше нашего. О чём он хлопотал? Куда-то ездил и гонял меня. Сколько мы ни ездили, а вернулись же домой. Лучше бы с самого начала оставаться нам с ним дома; он бы сидел на печи, а я бы ела овёс».

Один индийский царь велел собрать всех слепых и, когда они пришли, велел им показать своих слонов. Слепые пошли в конюшню и стали щупать слонов.

Один ощупал ногу, другой – хвост, третий – *репицу*, четвёртый – брюхо, пятый – спину, шестой – уши, седьмой – клыки, осьмой – хобот.

Потом царь позвал слепых к себе и спросил:

– Каковы мои слоны?

Один слепой сказал:

– Слоны твои похожи на столбы. – Этот слепой щупал ноги.

Другой слепой сказал:

– Они похожи на веники. – Этот щупал хвост.

Третий сказал:

– Они похожи на сучья. – Этот щупал репицу.

Тот, что щупал живот, сказал:

– Слоны похожи на кучу земли.

Тот, что щупал бока, сказал:

– Они похожи на стену.

Тот, что щупал спину, сказал:

– Они похожи на гору.

Тот, что щупал уши, сказал:

– Они похожи на платки.

Тот, что щупал голову, сказал:

– Они похожи на ступу.

Тот, что щупал клыки, сказал:

– Они похожи на рога.

Тот, что щупал хобот, сказал, что они похожи на толстую верёвку.

И все слепые стали спорить и ссориться.

Охотник поставил у озера сети и накрыл много птиц. Птицы были большие, подняли сеть и улетели с ней. Охотник побежал за птицами. Мужик увидал, что охотник бежит, и говорит:

– И куда бежишь? Разве пешком можно догнать птицу?

Охотник сказал:

– Кабы одна была птица, я бы не догнал, а теперь догоню.

Так и случилось. Как пришёл вечер, птицы потянули на ночлег, каждая в свою сторону: одна к лесу, другая к болоту, третья в поле; и все с сетью упали на землю, и охотник взял их.

Корова и козёл

У старухи были корова и козёл. Корова и козёл вместе ходили в стадо. Корова всё ворочалась, когда её доили. Старуха вынесла хлеба с солью, дала корове и приговаривала:

– Да стой же, матушка; на, на; ещё вынесу, только стой смирно.

На другой вечер козёл вперёд коровы вернулся с поля, расставил ноги и стал перед старухой. Старуха замахнулась на него полотенцем, но козёл стоял, не ше велился. Он помнил, что старуха обещала хлеба корове, чтобы стояла смирно.

Старуха видит, что козёл не понимает, взяла палку и прибила его.

Когда козёл отошёл, старуха опять стала кормить корову хлебом и уговаривать её.

«Нет в людях правды! – подумал козёл. – Я смирнее её стоял, а меня прибили».

Он отошёл к сторонке, разбежался, ударил в подойник, разлил молоко и зашиб старуху.

Обезьяна и горох

Обезьяна несла две полные горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотела поднять и просыпала двадцать горошинок. Она бросилась поднимать и просыпала все. Тогда она рассердилась, разметала весь горох и убежала.

Повар готовил обед; собаки лежали у дверей кухни. Повар убил телёнка и бросил кишки на двор. Собаки подхватили, поели и говорят:

– Повар хороший: хорошо стряпает.

Немного погодя повар стал чистить горох, репу и лук и выбросил обрезки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорят:

– Испортился наш повар – прежде хорошо готовил, а теперь никуда не годится.

Но повар не слушал собак, а стряпал обед по-своему.

Обед съели и похвалили хозяйку, а не собаки.

Слепой и молоко

Один слепой отроду спросил зрячего: «Какого цвета молоко?»

Зрячий сказал: «Цвет молока такой, как бумага белая».

Слепой спросил: «А что, этот цвет так же шуршит под руками, как бумага?»

Зрячий сказал: «Нет, он белый, как мука белая».

Слепой спросил: «А что, он такой же мягкий и сыпучий, как мука?»

Зрячий сказал: «Нет, он просто белый, как заяц-беляк».

Слепой спросил: «Что же, он пушистый и мягкий, как заяц?»

Зрячий сказал: «Нет, белый цвет такой точно, как снег».

Слепой спросил: «Что же, он холодный, как снег?»

И сколько примеров зрячий ни говорил, слепой не мог понять, какой бывает белый цвет молока.

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего – он упал наземь и притворился мёртвым.

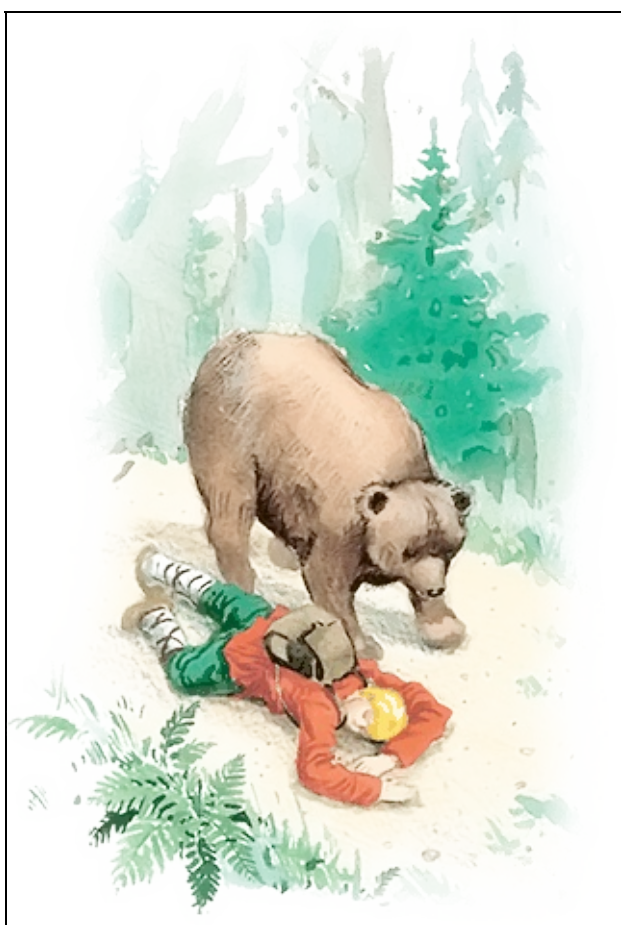
Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся:

– Ну что, – говорит, – медведь тебе на ухо говорил?

– А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

Змеиный хвост заспорил с змеиной головой о том, кому ходить впереди.

Голова сказала:

– Ты не можешь ходить спереди: у тебя нет глаз и ушей.

Хвост сказал: – А зато во мне сила, – я тебя двигаю; если захочу да обернусь вокруг дерева, ты с места не тронешься.

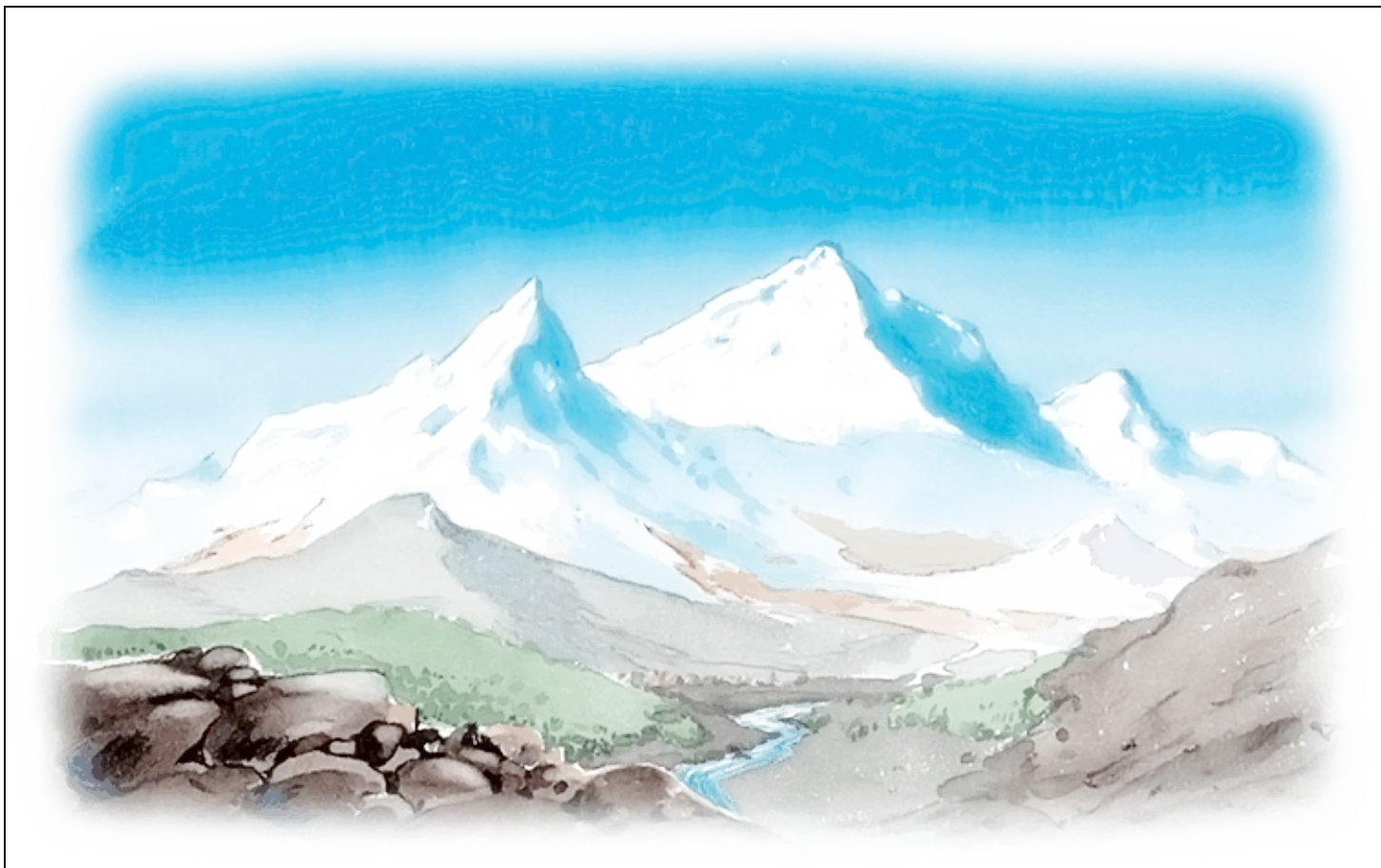
Голова сказала:

– Разойдёмся.

И хвост оторвался от головы и пополз вперёд. Но только что он отполз от головы, попал в трещину и провалился.

Кавказский пленник

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха-мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с Богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придётся увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, *татары* или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было двадцать пять вёрст. Обоз шёл тихо; то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят – дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печёт, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с

ружьём, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. – А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт.

Подумал Жилин и говорит:

– А ружьё заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

– Что смотреть? Поедем вперёд.

Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотничья (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребёнком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь – а перед самым им, на *десятину места*, стоят татары верхами – человек тридцать.

Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружьё! – а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнёшься – пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, вместо того чтобы подождать, только увидал татар, – закатился, что есть духу, к крепости. Плетью ожари ваёт лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружьё уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро.

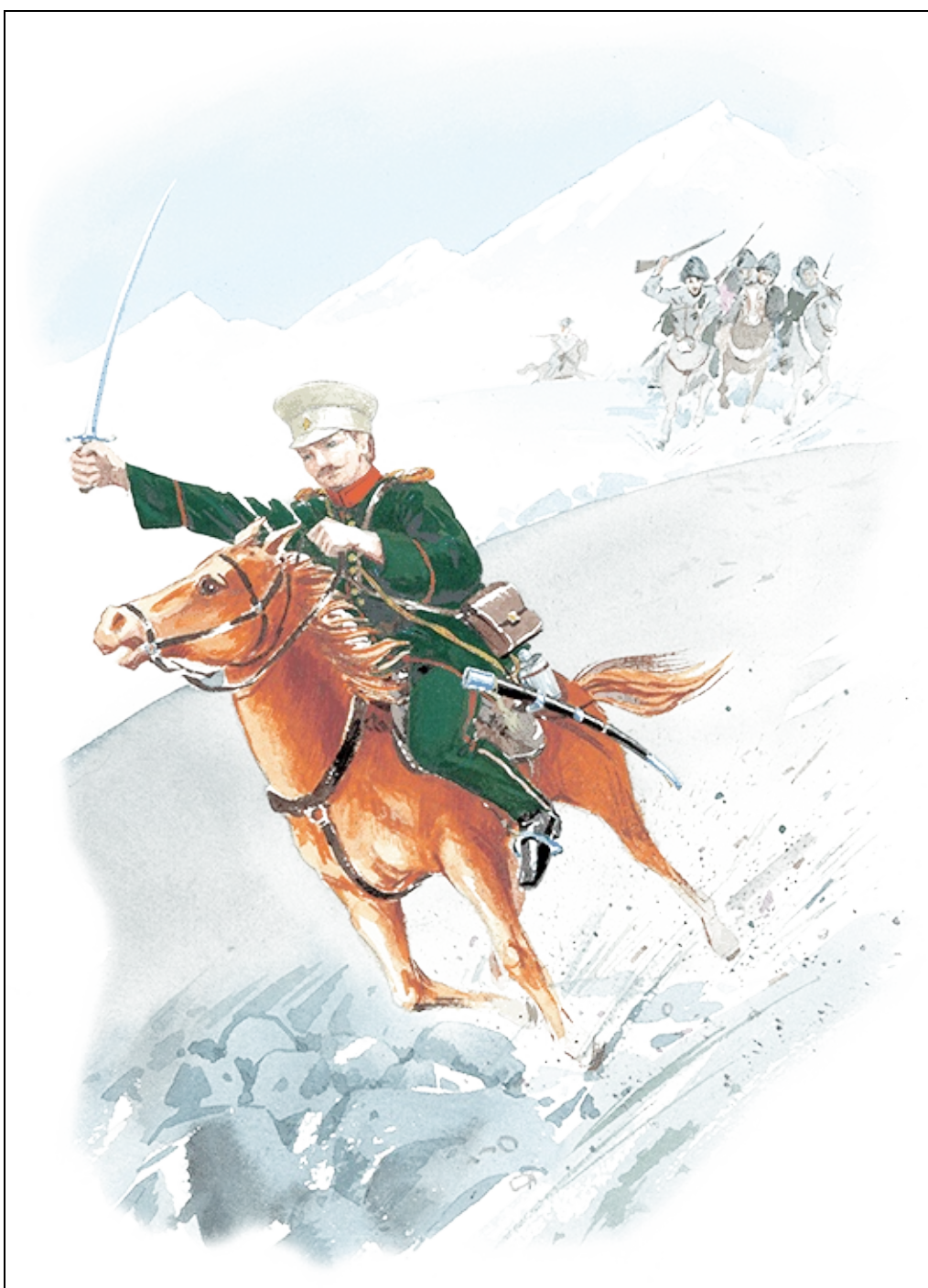
Под ним лошадь добрая, а под теми ещё добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит.

Видит – близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружьё наготове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нём сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нём два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, – да ещё соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с сёдел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, всё обшарили, деньги, часы вынули, платье всё изорвали.

Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьётся ногами, – до земли не достаёт; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь чёрная – на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать. Она всё бьётся, – он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась – и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие посадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринном, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали лощиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, – да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали ещё речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул. Послезали с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришёл *ногаец* скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин.

Принёс работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лёг.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит – в щёлке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щёлку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога – под гору идёт, направо сакля татарская, два дерева подле неё. Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подёргивают. Видит – из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубахе цветной, *распояской*, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идёт, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведёт бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в *саклю* с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, чёрная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошёл куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали ещё мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щёлку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает: «Хоть бы пришли проведать». Слышит – отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо весёлое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше: бешмет шёлковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал, облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый – быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит – подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, всё приговаривает:

– Корошо урус! Корошо урус!

Ничего не понял Жилин и говорит:

– Пить, воды пить дайте!

Чёрный смеётся.

– Корош урус, – всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то:

– Дина!

Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на чёрного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие, с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт, – как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец

засмеялся. Послал её ещё куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой, и опять села, изогнулась, глаз не спускает – смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного приходит к Жилину ногаец и говорит:

– Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногайцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в сёдлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шёл Жилин. Сам смеётся, всё говорит что-то по-своему и ушёл в дверь. Пришёл Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: чёрный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковёр, а на голый пол, залез опять на ковёр, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядом, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

– Тебя, – говорит, – взял Кази-Мугамед, – сам показывает на красного татарина, – и отдал тебя Абдул-Мурату, – показывает на черноватого. – Абдул-Мурат теперь твой хозяин.

Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и всё показывает на Жилина, и смеётся, и приговаривает:

– Солдат урус, корошо урус.

Переводчик говорит:

– Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит.

Жилин подумал и говорит:

– А много ли он хочет выкупа?

Поговорили татары, переводчик и говорит:

– Три тысячи монет.

– Нет, – говорит Жилин, – я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, – всё думает, что он поймёт. Перевёл переводчик, говорит:

– Сколько же ты дашь?

Жилин подумал и говорит:

– Пятьсот рублей.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощёлкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

– Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже».

Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошёл к Жилину.

– Урус, – говорит, – джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеётся; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

– Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своём:

– Больше пятисот рублей не дам. А убьёте – ничего не возьмёте.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный, на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин – узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружьё осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

– Вот, – говорит Жилину, – ты всё серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо, и обижать не будут.

Жилин и говорит:

– Товарищ как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, – говорит, – как сказал, так и будет. Хотите, убивайте – пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и

чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «Пиши». Согласился на пятьсот рублей.

– погоди ещё, – говорит Жилин переводчику, – скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел, обул как следует, чтоб держал вместе, нам веселее будет, и чтобы колодку снял.

Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин. Выслушал и говорит:

– Одежду самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду как князей. А коли хотят жить вместе, пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять – уйдут. На ночь только снимать буду. – Подскочил, треплет по плечу: – Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал – чтобы не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрёпанные, солдатские. Видно – с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеётся.

– Твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош.

А кормил плохо, – только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепёшками печёный, а то и вовсе тесто непечёное.

Костылин ещё раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придёт, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

«Где, – думает, – матери столько денег взять за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст – и сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает – или из глины кукол лепит, или плетёт плетёнки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татар – ской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушёл в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на неё, выхватила куклу, разбила её, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, ещё лучше, отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает – вода, а там молоко. Выпил он молоко.

– Хорошо, – говорит.

Как взрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепёшки сырные и сушат их на крышах, – так она эти лепёшки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый, как из ведра, лил. И помутились все речки. Где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, одел он кукол: одна – мужик, другая – баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щёлкают:

– Ай, урус! Ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит:

– Давай починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старьёй, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, – и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружьё или пистолет починить принесёт, кто часы. Привёз ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину:

– Поди полечи.

Жилин ничего не знает, как лечить. Пошёл, посмотрел, ду – мает: «Авось поздоровеет сам». Ушёл в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарях нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел, на его счастье, татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, когда нужно, кличут: «Иван, Иван», – а которые всё, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернётся либо обругает. Был ещё у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, белые, как пух; а лицо сморщенное и красное, как кирпич; нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идёт, бывало, в чалме своей, костылём подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошёл раз Жилин под гору – посмотреть, где живёт старик. Сошёл по дорожке, видит – садик, ограда каменная; из-за ограды – черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошёл он ближе; видит – ульи стоят, плетённые из соломы, и пчёлы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся – как визгнет, выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришёл старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеётся и спрашивает:

– Зачем ты к старику ходил?

– Я, – говорит, – ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живёт.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина. Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушёл старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца; нашёл там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошёл в *Мекку* – богу молиться; от этого у него чалма. Кто в *Мекке* был, тот называется Хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеётся, сам приговаривает по-русски: – Твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош!

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тёр, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, – думает, – мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул, на гору – хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

– Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

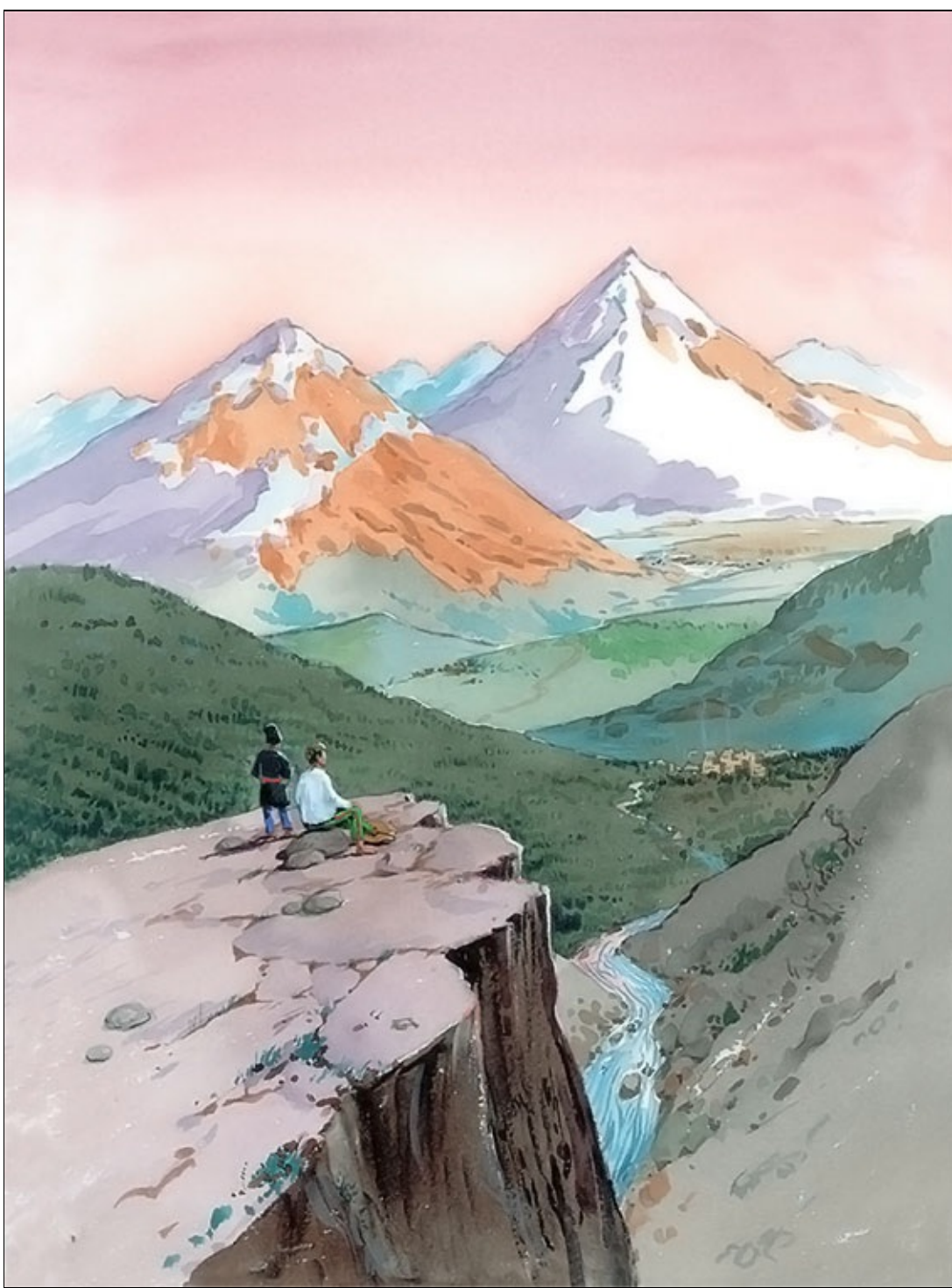
Стал его Жилин уговаривать.

– Я, – говорит, – далеко не уйду, – только на ту гору поднимусь, мне траву нужно найти – ваш народ лечить. Пойдём со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору – недалеко, а с колодкой трудно; шёл, шёл, насилиу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора, ещё круче, а за той горой ещё гора. Промеж гор лес синеется, а там ещё горы – всё выше и выше поднимаются. А выше всех – белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат – всё такие же горы, кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, – думает, – это всё ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке – как куклы маленькие, видно – бабы сидят, полоскают. За аулом пониже, гора и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит – так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых – алые; в чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, – маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое – крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно – мулла прокричал. Стадо гонят – коровы ревут. Малый всё зовёт: «Пойдём», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, – думает Жилин, – теперь место знаю, надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были тёмные, – ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они – гонят с собою скотину и приезжают весёлые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мёртвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришёл мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мёртвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их ещё татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

– Алла! (значит – бог) – Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся.

Опять поднял голову мулла:

– Алла! – и все проговорили: «Алла» – и опять замолчали. Мёртвый лежит на траве – не

шелохнётся, и они сидят, как мёртвые. Не шевельнётся ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочёл мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мёртвого под мышки да *под лытки*, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зелёного, заклали камышом яму, живо засыпали землёй, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядом перед могилой. Долго молчали.

– Алла! Алла! Алла! – Вздохнули и встали.

Раздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошёл домой.

Наутро видит Жилин – ведёт красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, – ручищи здоровые, – вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошёл рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать, кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили – покойника поминали. Все татары дома были. На четвёртый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал; только Абдул дома остался. Месяц только народился – ночи ещё тёмные были.

«Ну, – думает Жилин, – нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

– Да как же бежать? Мы дороги не знаем.

– Я знаю дорогу.

– Да и не дойдём за ночь.

– А не дойдём – в лесу переднюем. Я вот лепёшек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо – пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые, – за то что ихнего русские убили. Поговаривают – нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

– Ну, пойдём!

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они – ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину:
– Полезай.

Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была – пёстрая собака. И злая-презлая; звали её Уляшин. Жилин уже наперёд прикормил её. Услыхал Уляшин, забрехал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепёшки кусок – Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли:

– Гайть! Гайть, Уляшин!

А Жилин за ушами почёсывает Уляшина. Молчит собака, трётся ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё, только слышно – овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно, звёзды высоко стоят в небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, бе лееется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу:

– Ну, брат, айда!

Тронулись, только отошли, слышат – запел мулла на крыше: «Алла! Басмилла! Ильрахман!» Значит – пойдёт народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдёт. Опять затихло.

– Ну, с Богом! – Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звёзды виднёшеньки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки – стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

– Тише, – говорит, – иди; сапоги проклятые – все ноги стёрли.

– Да тыними, легче будет.

Пошёл Костылин босиком – ещё того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстаёт. Жилин ему говорит:

– Ноги обдерёшь – заживут, а догонят – убьют, – хуже.

Костылин ничего не говорит, идёт, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат – вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

– Эх, – говорит, – ошиблись мы – вправо забрали.

Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево, в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все.

– Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес.

Костылин всё отстаёт и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идёт.

Поднялись на гору. Так и есть – лес. Вошли в лес, по колючкам изодрали всё платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

– Стой!

Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они – опять затопало. Они остановятся – и оно остановится. Подполз

Жилин, смотрит на свет по дороге – стоит что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло – слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, – как шарк нет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеётся, говорит:

– Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уже *высожары* спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли – не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих – вёрст десять ещё будет; а приметы верной нет, да и ночь – не разберёшь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

– Как хочешь, а я не дойду, – у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

– Нет, – говорит, – не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

– Так я же один уйду, прощай!

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу ещё гуще сел, ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топают лошадь. Слышно – подковами за камни цепляется. Лёг Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

– Так и есть, сюда, к нам, конный едет!

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит – верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

– Ну, пронёс Бог, – вставай, пойдём.

Стал Костылин вставать и упал.

– Не могу, ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, – он и *рассолодел*. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

– Ой, больно!

Жилин так и обмер.

– Что кричишь? Ведь татарин близко – услышит. – А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

– Ну, – говорит, – вставай, садись на закорки, – снесу, коли уж идти не можешь.

Посадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

– Только, – говорит, – не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и уморился. Нагнётся, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нём Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин – едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружьё, выпалил, – не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

– Ну, – говорит Жилин, – пропали, брат! Он, собака, сейчас соберёт татар за нами в погоню. Коли не уйдём версты три, – пропали. – А сам думает на Костылина: «И чёрт меня дёрнул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл».

Костылин говорит:

– Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

– Нет, не пойду: не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попёр. Прошёл он так с версту. Всё лес идёт, и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, и не видать уж звёзд. Измучился Жилин.

Пришёл, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

– Дай, – говорит, – отдохну, напьюсь. Лепёшек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилёг он пить, слышит – затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат – голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравливают. Слышат – трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары – тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, – встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеётся и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плётками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит:

– Надо убить.

Абдул спорит, говорит:

– Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму.

А старик говорит:

– Ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить – и кончено.

Разошлись. Подошёл хозяин к Жилину, стал ему говорить:

– Если, – говорит, – мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас заporю. А если затеешь опять бежать, я тебя, как собаку, убью. Пиши письмо, хорошенько пиши.

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всём теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл: видит – дело плохо. И не знает, как выдраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает о вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепёшка упала, другая, – и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придёт Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин – затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазёнки так и блестят, как звёздочки. Вынула из рукава две сырные лепёшки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На, вот! – Стал ей швырять по одной, а она головой мотает и не смотрит.

– Не надо! – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят, а мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную при неси.

Она головой мотает, что «нельзя». Он сложил руки, молится ей.

– Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

– Нельзя, говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?» Всё поглядывает вверх. Звёзды видны, а месяц ещё не восходил. Мулла прокричал, затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «Побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась, глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползёт в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил – шест здоровый. Он ещё прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звёзды высоко в небе блещут; и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

– Иван, Иван! – А сама руками у лица всё машет, что «тише, мол».

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

– Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

– Нет, – говорит, – уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

– Ну, так прощай, – не поминай лихом. – Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался – колодка мешала. Поддержал его Костылин, – вы – брался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеётся.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся, – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошёл. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать.

А замок крепкий – никак не собьёт, да и неловко. Слышит – бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

– Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, – ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит – налево за горой зарево красное загорелось, месяц встаёт. «Ну, – думает, – до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, – да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина, шарит по нём руками, ищет, куда бы лепёшки ему засунуть. Взял он лепёшки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в

темноте слышно – монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошёл по дороге – ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встаёт. Дорогу он узнал. Прямоком идти вёрст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешёл он речку; побелел уже свет за горой. Пошёл лощиной, идёт, сам поглядывает: не видать ещё месяца. Уж зарево посветлело, и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идёт Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц ещё скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор – бело, светло, совсем как днём. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам: как вымерло всё. Только слышно, внизу речка журчит.

Дошёл до лесу – никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашёл камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошёл по дороге. Прошёл с версту, выбился из сил – ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, – думает, – буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветёт, лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шёл. Только попались два татарина верхами, да Жилин издалека их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошёл. «Ну, – думает, – ещё тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошёл тридцать шагов, видит – лес кончается. Вышел на край – совсем светло; как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близёхонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется, и люди у костров.

Вгляделся – видит: ружья блестят – казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: «Избави бог тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдёшь».

Только подумал – глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, *десятины* на две. Увидали его – пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперерез татарам. Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

– Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары – не доезжаяючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам. Окружили его казаки, спрашивают: кто он, что за человек, откуда? А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было, и говорит:

– Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только ещё через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Рассказы Льва Николаевича Толстого написаны во второй половине XIX века.

В этой книге старая орфография в основном сохранена. Некоторые слова уже не используются.

Ниже мы предлагаем читателю непонятные слова в алфавитном порядке и каждому из них даём краткое объяснение.

Аршин – старая мера длины, 0,71 м.

Аул – татарская деревня. (Примеч. Л.Н. Толстого).

Берейтор – специалист, который объезжает, т. е. приручает, воспитывает лошадей и учит детей и взрослых верховой езде.

Брыла – отвислые губы у собак.

В жнитво – во время жатвы.

Великим постом – время перед Пасхой, когда православным положено поститься и молиться.

Верста – старинная мера длины, чуть больше километра.

Вершок – старая мера длины в России, около 4,6 см. «Сам с вершок», т. е. очень маленький.

Высожары – созвездия Большой и Малой Медведицы.

Десятин – здесь десятая часть версты, 100 метров.

Задняя рука. У обезьян четыре руки. (Примеч. Л.Н. Толстого). Речь идет о задней лапе.

Катит благим матом – здесь в смысле несётся напролом.

Колодники – арестанты, у которых на ноги надеты деревянные колодки, чтобы они не могли убежать.

Корда – верёвка, для того чтобы по кругу гонять лошадей. (Примеч. Л.Н. Толстого).

Крупорушка – мельница.

Ледянка – кусок льда, на котором катались с горок.

Лециновые кусты, лещина – лесной орешник.

Лом, ломака, ломыга – так в народе прозвали медведя за то, что он мог сломать (убить) человека.

Матерой – то же, что и матёрый, – плотный, крепкий, уже не юный, а взрослый, достигший зрелого возраста.

Машина – так называли железнодорожные поезда.

Мекка – священный город мусульман.

Мечеть – мусульманская церковь.

Мордашка – так во времена Л. Толстого называли бульдога.

Мулла – мусульманский священник.

На десятину места – здесь на расстоянии в десятую часть версты.

На лошадь места – на расстояние, равное корпусу лошади.

На Святой – имеется в виду – в дни недели Святой пасхи. «На Святой да на Благовещенье солнышко на восходе играет», – гласила народная пословица. Время Святой приходится на весну.

Ногаец, ногайцы – один из народов Дагестана.

Озимями – то же, что и озимыми. Озимые – растения, которые высеваются осенью и зимуют под снегом до весны.

Оскретки – обломки, щепки.

Перекладная – перекладные – экипажи, в которых заменяли лошадей на почтовых станциях. На перекладных путешествовали наши предки.

Подённая работа, подёнцина – тяжкий труд, оплачиваемый по дням.

Под лытки – под коленки.

Полубугор – небольшой пригорок.

Праховый – рассыпчатый, от слова прах.

Пуд – старинная русская мера веса, равная 16,3 кг. «Годовичок – пудовичок» – крепкий малыш годовалого возраста.

Распояска – одежда, платье без пояса.

Распукалка – цветочная почка.

Рассолодел – распарился, расслабился.

Репица – основание, самая толстая часть хвоста.

Сажень – мера длины, более двух метров. «Косая сажень в плечах», – так обычно характеризовали могучих богатырей.

Сакля – жилище в горах.

Сан-готардская собака – старинное название сенбернара.

Свясла – соломенные жгуты, чтобы вязать снопы. (Примеч. Л.Н. Толстого).

Секач – двухгодовалый кабан с острым незагнутым клыком. (Примеч. Л.Н. Толстого).

Татары – во времена Л.Н. Толстого так называли все горские народности Кавказа, которые исповедовали мусульманскую веру.

Тюря – блюдо, которое готовится из крошеного хлеба, смешанного с квасом или водой. Тюрю подсаливали, добавляли в нее лук.

Фунт – старинная русская мера веса, чуть меньше половины килограмма. В старой России было принято покупать не на килограммы, а на фунты. Фунт конфет, фунт сахара.

Четверть – здесь четверть аршина.

Шепталы – персиковые деревья.